

Джордж Грот

История Греции.
Том 4

Джордж Грот

История Греции. Том 4

«Автор»

2025

Грот Д.

История Греции. Том 4 / Д. Грот — «Автор», 2025

Четвертый том «Истории Греции» Джорджа Грота охватывает ключевой период становления античного мира: расцвет панэллинских праздников и лирической поэзии, описание соседних народов — от Иллирии до Фракии, основание великих колоний в Кирене и Причерноморье, падение тирании Писистратидов в Афинах и революцию Клизфена, заложившую основы афинской демократии. Особое внимание уделено возвышению Персидской империи, Ионийскому восстанию и кульминации тома — Марафонской битве. Грот, будучи сторонником демократических идеалов, предлагает глубокий критический анализ источников и реабилитирует афинскую демократию, что стало поворотным моментом в западной историографии XIX века.

© Грот Д., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Четвертый том «Истории Греции» Джорджа Грота	5
Текущее содержание глав	6
Глава XXV. ИЛЛИРИЙЦЫ, МАКЕДОНЯНЕ, ПЕОНИЙЦЫ.	13
Глава XXVI. ФРАКИЙЦЫ И ГРЕЧЕСКИЕ КОЛОНИИ ВО ФРАКИИ.	18
Глава XXVII. КИРЕНА И БАРКА. – ГЕСПЕРИДЫ.	22
Глава XXVIII. ПАНЭЛЛИНСКИЕ ПРАЗДНЕСТВА –	31
ОЛИМПИЙСКИЕ, ПИФИЙСКИЕ, НЕМЕЙСКИЕ И ИСТМИЙСКИЕ.	
Глава XXIX. ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ. – СЕМЬ МУДРЕЦОВ.	40
Глава XXX. ГРЕЧЕСКИЕ ДЕЛА В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ	51
ПИСИСТРАТА И ЕГО СЫНОВЕЙ В АФИНАХ.	
Глава XXXI. ГРЕЧЕСКИЕ ДЕЛА ПОСЛЕ ИЗГНАНИЯ	59
ПИСИСТРАТИДОВ. – РЕВОЛЮЦИЯ КЛИСФЕНА	
И УСТАНОВЛЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ В АФИНАХ.	
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Джордж Грот

История Греции. Том 4

Четвертый том «Истории Греции» Джорджа Грота

Данный том занимает центральное место в монументальном 12-томном труде Грота, являющемся одним из фундаментальных достижений западной историографии XIX века. Его работа знаменует собой переход от романтической и морализаторской историографии к критическому, научно обоснованному подходу, основанному на тщательном анализе античных источников, прежде всего Геродота и Фукидида. Грот, будучи сам политиком и убежденным демократом, видел в афинской демократии не хаотическую тиранию толпы, как многие его предшественники, а величайшее достижение греческого духа, основанное на принципах закона, свободы и гражданской активности. Эта про-демократическая позиция кардинально повлияла на его трактовку событий и персонажей. Четвертый том охватывает ключевой период греческой истории, предшествующий Греко-персидским войнам, и детально исследует процессы, сформировавшие эллинский мир. Содержание тома можно разделить на несколько крупных блоков. Первый блок посвящен углубленному изучению соседних с Грецией народов – иллирийцев, македонян, пеонийцев и фракийцев, их взаимодействию и конфликтам с греческими полисами. Грот подробно описывает процесс эллинизации Македонии и возвышения династии Аргеадов, подчеркивая роль греческих вождей в управлении варварскими племенами. Второй блок анализирует историю великой греческой колонизации, на примере Кирены в Северной Африке и многочисленных колоний во Фракии и на Геллеспонте, уделяя внимание не только основанию городов, но и их сложным отношениям с местным населением, внутренним конфликтам и политическому развитию. Особое значение Грот придает третьему блоку – анализу панэллинских институтов, таких как Олимпийские, Пифийские, Немейские и Истмийские игры, а также развитию лирической поэзии и деятельности Семи мудрецов. Он рассматривает их как мощные культурные факторы, способствовавшие формированию общегреческого самосознания и преодолению раздробленности полисного мира. Центральное место в томе занимает скрупулезное исследование афинской истории: тирании Писистратидов, ее свержения, последовавшей революции Клизфена и установления демократии. Грот детально разбирает суть реформ Клизфена (введение фил и демов), институт ostracism и утверждает, что именно Клизфен, а не Солон, является подлинным создателем афинской демократии, пробудившим невиданную политическую энергию граждан. Заключительная часть тома посвящена возвышению Персидской империи при Кире, Камбизе и Дарии, трагической истории Ионийского восстания и его кульминации – Марафонской битве. Грот дает яркие характеристики ключевым фигурам: Киру, Дарию, Аристагору, Гистиею, афинскому полководцу Мильтиаду, чей решительный план привел к победе при Марафоне. Он завершает том размышлением о непостоянстве афинского демоса на примере суда над Мильтиадом, а также обзором ранней греческой философии (ионийские натурфилософы, Пифагор) и истории греческих полисов в Великой Греции (Кротон, Сибарис). В оценке историографии труд Грота стал поворотным пунктом, заложив основы современного критического изучения Древней Греции. Его главная заслуга – отказ от антидемократической традиции и реабилитация афинской демократии как прогрессивного и жизнеспособного политического строя. Несмотря на то, что некоторые его частные выводы и идеализация демократии были позднее пересмотрены, масштабность источника, глубина анализа и мощь паггative остаются непревзойденными, обеспечивая труду Грота почетное место среди классических трудов по истории Древней Греции.

Текущее содержание глав

ЧАСТЬ II ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ.

Глава XXV. ИЛЛИРИЙЦЫ, МАКЕДОНЦЫ, ПЕОНИЙЦЫ.

Различные племена иллирийцев. – Конфликты и контраст иллирийцев с греками. – Эпидамн и Аполлония в отношениях с иллирийцами. – Ранние македонцы. – Их исконные земли. – Общий обзор территории, которую они занимали – к востоку от Пинда и Скарда. – Распределение и племена македонцев. – Македонцы вокруг Эдессы – ведущая часть народа. – Пиерийцы и боттиэи – изначально расположенные на Термейском заливе, между македонцами и морем. – Пеонийцы. – Аргосские греки, основавшие династию Эдессы – Пердикка. – Таланты к управлению, проявленные греческими вождями над варварскими племенами. – Усиление династии Эдессы – завоевания вплоть до Термейского залива, а также внутренних македонцев. – Дружба между царём Аминтой и Писистратидами.

Глава XXVI. ФРАКИЙЦЫ И ГРЕЧЕСКИЕ КОЛОНИИ ВО ФРАКИИ.

Фракийцы – их численность и места обитания. – Много отдельных племён, но мало различий в характере. – Их жестокость, хищность и военная эффективность. – Фракийские культы и характер азиатские. – Раннее основание халкидских колоний во Фракии. – Метона – самая ранняя, около 720 г. до н. э. – Несколько других небольших поселений на Халкидическом полуострове и его трёх выступающих мысах. – Халкидический полуостров – гора Афон. – Колонии в Паллене, западнейшем из трёх мысов. – В Ситонии, среднем мысе. – На мысе Афон – Аканф, Стагира и др. – Греческие поселения к востоку от Стримона во Фракии. – Остров Фасос. – Фракийский Херсонес. – Перинф, Селимбрия и Византий. – Греческие поселения на Понте, к югу от Дуная. – Лемнос и Имброс.

Глава XXVII. КИРЕНА И БАРКА. – ГЕСПЕРИДЫ.

Первые плаванья греков в Ливию. – Основание Кирены. – Основана Баттом с острова Фера. – Колония сначала поселилась на острове Платея – позже перенесена в Кирена. – Местоположение Кирены. – Плодородие, продуктивность и процветание. – Ливийские племена вблизи Кирены. – Обширное владение Кирены и Барки над ливийцами. – Связь греческих колоний с кочевниками Ливии. – Нравы ливийских кочевников. – Смешение греков и ливийских жителей в Кирене. – Династия Батта, Аркесилая, Батта Второго в Кирене – новые колонисты из Греции. – Споры с местными ливийцами. – Аркесилай Второй, князь Кирены – неудачи города – основание Барки. – Батт Третий, хромой – реформа Демонакта, который лишает Баттиадов верховной власти. – Новая эмиграция – восстановление Баттиада Аркесилая Третьего. – Оракул, ограничивающий продолжительность династии Баттиадов. – Насилия в Кирене при Аркесилае Третьем. – Аркесилай подчиняется Камбису, царю Персии. – Персидская экспедиция из Египта против Барки – Феретима, мать Аркесилая. – Захват Барки хитростью – жестокость Феретимы. – Батт Четвёртый и Аркесилай Четвёртый – окончательное исчезновение династии около 460–450 гг. до н. э. – Конституция Демонакта недолговечна.

Глава XXVIII. ПАНЭЛЛИНСКИЕ ПРАЗДНЕСТВА – ОЛИМПИЙСКИЕ, ПИФИЙСКИЕ, НЕМЕЙСКИЕ И ИСТМИЙСКИЕ.

Отсутствие объединения и единства в ранний период греческой истории. – Новые причины, способствующие союзу, появляются после 560 г. до н. э. – Ни одной крупной войны между 776 и 560 гг. до н. э., известной Фукидиду. – Растущая тенденция к религиозному, интеллектуальному и социальному единству. – Взаимное допущение городов к религиозным празднествам друг друга. – Раннее великолепие Ионийского праздника на Делосе – его упадок. – Олимпийские игры – их известность и долговечность. – Их постепенное развитие – введение новых состязаний. – Олимпийский праздник – первый, перешедший от местного к панэллинскому значению. – Пифийские игры, или праздник. – Раннее состояние и местопо-

ложение Дельф. – Фокидский город Крисса. – Кирра, порт Криссы. – Рост Дельф и Кирры – упадок Криссы. – Наглость киррейцев, наказанная амфикионами. – Первая Священная война в 595 г. до н. э. – Разрушение Кирры. – Пифийские игры, основанные амфикионами. – Немейские и Истмийские игры. – Панэллинский характер, приобретённый всеми четырьмя праздниками – Олимпийскими, Пифийскими, Немейскими и Истмийскими. – Увеличение посещаемости других праздников в большинстве греческих городов. – Все греческие города, кроме Спарты, поощряли такие посещения. – Влияние этих праздников на греческое сознание.

Глава XXIX. ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ. – СЕМЬ МУДРЕЦОВ.

Эпоха и продолжительность греческой лирической поэзии. – Эпический период, предшествующий лирическому. – Более широкий круг поэтических тем – новые метры – расширенная музыкальная гамма. – Усовершенствование кифары Терпандром – флейты Олимпом и другими. – Архилох, Каллин, Тиртей и Алкман – 670–600 гг. до н. э. – Новые метры, добавленные к гекзаметру – элегический, ямбический, трохаический. – Архилох. – Симонид Аморгский, Каллин, Тиртей. – Музыкальные и поэтические тенденции в Спарте. – Хоровое обучение – Алкман, Фалет. – Дорийский диалект, используемый в хоровых композициях. – Арион и Стесихор – замена народного хора профессиональным. – Распределение хора у Стесихора – строфа – антистрофа – эпод. – Алкей и Сапфо. – Гномические или назидательные поэты. – Солон и Феогнид. – Подчинение музыкального и оркестрового сопровождения словам и смыслу. – Семь Мудрецов. – Они были первыми, кто приобрёл общегреческую известность без поэтического гения. – Раннее проявление философии – в форме максим. – Последующее развитие диалектики и дискуссий. – Увеличение привычки к письму – начало прозаических сочинений. – Первые зачатки греческого искусства. – Ограниченный характер раннего искусства из-за религиозных ассоциаций. – Монументальные украшения в городах – появляются в VI веке до н. э. – Значение греческого искусства как средства эллинского единства.

Глава XXX. ГРЕЧЕСКИЕ ДЕЛА В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ПИСИСТРАТА И ЕГО СЫНОВЕЙ В АФИНАХ.

Писистрат и его сыновья в Афинах – 500–510 гг. до н. э. – неопределённая хронология относительно Писистрата. – Состояние настроений в Аттике при приходе Писистрата к власти. – Уход Писистрата и хитрость, с помощью которой он возвращается. – Конфликт Писистрата с Алкмеонидами – его второй уход. – Его второе и окончательное восстановление. – Его сильное правление – наёмники – очищение Делоса. – Мягкая деспотия Писистрата. – Его сыновья Гиппий и Гиппарх. – Гармодий и Аристоклит. – Они организуют заговор и убивают Гиппарха. 514 г. до н. э. – Сильное и долговременное чувство, связанное с крупной исторической ошибкой, в афинском обществе. – Гиппий единоличным деспотом – 514–510 гг. до н. э. – его жестокость и осознание неустойчивости. – Связь Афин с Фракийским Херсонесом и азиатским побережьем Геллеспонта. – Первый Мильтиад – основатель Херсонеса. – Второй Мильтиад – направлен туда Писистратидами. – Действия изгнанных Алкмеонидов против Гиппия. – Пожар и восстановление Дельфийского храма. – Алкмеониды отстраивают храм с великолепием. – Благодарность дельфийцев к ним – они добиваются от оракула указаний Спарте изгнать Гиппия. – Спартанские экспедиции в Аттику. – Изгнание Гиппия и освобождение Афин.

Глава XXXI. ГРЕЧЕСКИЕ ДЕЛА ПОСЛЕ ИЗГНАНИЯ ПИСИСТРАТИДОВ. – РЕВОЛЮЦИЯ КЛИСФЕНА И УСТАНОВЛЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ В АФИНАХ.

Состояние Афин после изгнания Гиппия. – Противоборствующие лидеры партий – Клисфен – Исагор. – Демократическая революция под руководством Клисфена. – Реорганизация и расширение политических прав. – Упразднение четырёх старых фил и образование десяти новых, включая большее число граждан. – Неполное описание этого события у Геродота – его истинное значение. – Причины сопротивления ему в древних афинских представлениях. – Названия новых фил – их связь с демами. – Демы, входящие в одну филу, обычно не были соседними. – Организация и функции дема. – Солоновская конституция сохранена

с изменениями. – Изменение военной организации государства. – Десять стратегов. – Судебное собрание граждан, или Гелиэя, впоследствии разделённое на части, каждая из которых судила отдельно. – Политическое собрание, или экклесия. – Финансовые устройства. – Совет пятисот. – Экклесия, или политическое собрание. – Клисфен – истинный создатель афинской демократии.

Судебные полномочия народа – их постепенное расширение. – Три взаимосвязанных принципа афинского конституционного права:

- Всеобщая доступность граждан к магистратурам.
- Жеребьёвка.
- Ограниченные функции магистратов, избранных по жребию.

Всеобщая доступность граждан к архонтству – введена только после битвы при Платеях. – Конституция Клисфена сохранила солоновский закон об исключении из отдельных должностей. – Различие между этой конституцией и политическим устройством Афин после Перикла.

Совет Ареопага. – Остракизм. – Слабость государственной власти в греческих государствах. – Прошлые насилия афинской знати. – Необходимость создания конституционной морали. – Цель и действие остракизма. – Гарантии против его злоупотребления. – Остракизм был необходим для защиты ранней демократии – впоследствии отменён. – Остракизм аналогичен исключению известного претендента на трон в монархии. – Влияние долгого правления Перикла на укрепление конституционной морали. – Остракизм в других греческих городах.

Сильное впечатление революции Клисфена на умы граждан. – Исагор призывает Клеомена и лакедемонян против неё. – Клеомен и Исагор изгнаны из Афин. – Возвращение Клисфена – Афины ищут союза с персами. – Первая связь между Афинами и Платеями. – Споры между Платеями и Фивами – решение Коринфа как арбитра.

Второй поход Клеомена против Афин – дезертирство его союзников. – Первое появление Спарты как действующего главы Пелопоннесского союза. – Значительные успехи Афин против беотийцев и халкидян. – Поселение афинских колонистов, или клерухов, на территории Халкиды.

Бедственное положение фиванцев – они просят помощи у Эгины. – Эгинеты начинают войну против Афин. – Подготовка Спарты к новому нападению на Афины – созыв спартанских союзников, включая Гиппия.

Первое формальное собрание в Спарте – движение Греции к политической системе. – Ход собрания – энергичный протест Коринфа против вмешательства в пользу Гиппия – спартанские союзники отказываются вмешиваться. – Отвращение к единоличной власти – теперь преобладающее в Греции.

Яркое проявление афинской энергии после революции Клисфена – слова Геродота. – Влияние идеи или теории демократии на пробуждение афинских чувств.

Патриотизм афинянина между 500–400 гг. до н. э. – соединённый с горячим духом личного военного усилия и жертвы. – Ослабление этого активного чувства в восстановленной демократии после Тридцати тиранов.

Глава XXXII. ВОЗВЫШЕНИЕ ПЕРСИДСКОЙ ИМПЕРИИ. – КИР

Состояние Азии до возникновения Персидского царства. – Великая мощь и союзы Крёза. – Возвышение Кира – неясность его ранней биографии. – История Астиага. – Геродот и Ктесий. – Положение персов в начале правления Кира. – Территория Ирана – между Тигром и Индом. – Война между Киром и Крёзом. – Крёз испытывает оракулов – триумфальный ответ Дельфийского оракула – щедрость Крёза к оракулу. – Совет, данный ему оракулом. – Он просит о союзе со Спартой. – Переходит Галис и нападает на персов. – Быстрое продвижение Кира к Сардам. – Осада и взятие Сард. – Крёз становится пленником Кира – как с ним обращаются. – Упреки Крёза к дельфийскому богу. – Успешное оправдание оракула. – Судьба Крёза,

впечатляющая греков. – Мойры, или Судьбы. – Положение малоазийских греков после завоевания Лидии Киром. – Они тщетно просят помощи у Спарты. – Кир покидает Сарды – восстание лидийцев подавлено. – Персидский полководец Мазарес нападает на Ионию – лидиец Пактий. – Гарпаг сменяет Мазареса – завоевание Ионии персами. – Судьба Фокеи. – Эмиграция фокейцев, поклявшихся всем народом, но осуществлённая лишь наполовину. – Колония фокейцев сначала в Алалии, затем в Элее. – Предложение Бианта о всеионийском переселении не принято. – Полное завоевание Малой Азии персами.

Глава XXXIII. РАСТУЩАЯ ПЕРСИДСКАЯ ИМПЕРИЯ

Завоевания Кира в Азии. – Его нападение на Вавилон. – Трудный подход к Вавилону – отсутствие сопротивления захватчикам. – Кир разделяет реку Гинд на множество каналов. – Он берёт Вавилон, временно отведя воды Евфрата. – Вавилон остаётся с прежней силой и населением. – Кир нападает на массагетов – разгромлен и убит. – Необычайный импульс для персов благодаря завоеваниям Кира. – Характер персов. – Жажда зарубежных завоеваний у персов в течение трёх царствований после Кира. – Камбис наследует своему отцу Киру – его вторжение в Египет. – Смерть Амасиса, царя Египта, в момент подготовки персидской экспедиции – его сын Псамменит наследует трон. – Завоевание Египта Камбисом. – Подчинение Кирены и Барки Камбису – его планы покорения Ливии и Эфиопии сорваны. – Оскорбления Камбиса по отношению к египетской религии. – Безумие Камбиса – он убивает своего младшего брата, Смердиса. – Заговор мага Патизейта, который возводит на трон своего брата под именем Смердиса. – Смерть Камбиса. – Правление лже-Смердиса – заговор семи персидских вельмож против него – он убит. – Дарий восходит на престол. – Политическое значение этого заговора – Смердис представляет мидийское господство, которое снова подавлено Дарием. – Восстание мидийцев – подавлено. – Недовольство сатрапов. – Восстание Вавилона. – Вновь завоёван и разрушен Дарием. – Организация Персидской империи Дарием. – Двадцать сатрапий с фиксированной данью для каждой. – Подати с разных сатрапий. – Организаторская тенденция Дария – первая имперская чеканка – имперские дороги и почта. – Остров Самос – его положение при воцарении Дария. – Поликрат. – Поликрат разрывает с Амасисом, царём Египта, и заключает союз с Камбисом. – Самосские изгнанники, изгнанные Поликратом, обращаются за помощью к Спарте. – Лакедемоняне нападают на Самос, но отбиты. – Нападение на Сифнос самосскими изгнанниками. – Процветание Поликрата. – Он убит персидским сатрапом Оройтом. – Меандрий, помощник Поликрата на Самосе – он хочет установить свободное правление после смерти Поликрата – поведение самосцев. – Меандрий становится тираном. – Контраст между афинянами и самосцами. – Силосонт, брат Поликрата, высаживается с персидской армией на Самосе – его история. – Меандрий соглашается покинуть остров. – Многие персидские военачальники убиты – резня самосцев. – Силосонт – тиран на Самосе. – Обращение Меандрия за помощью к Спарте – отказ.

Глава XXXIV. ДЕМОКЕД. – ВТОРЖЕНИЕ ДАРИЯ В СКИФИЮ.

Завоевательные устремления Дария. – Влияние его жены Атоссы. – Демокед, врач из Кротона, его приключения – попадает в рабство и оказывается в Сузах. – Он исцеляет Дария, который щедро его награждает. – Хитростью и при помощи Атоссы он добивается разрешения вернуться в Грецию. – Атосса предлагает Дарию поход против Греции. – Демокед с несколькими персами отправлен разведать обстановку. – Плавание Демокеда вдоль берегов Греции – он останавливается в Кротоне – судьба его персидских спутников. – Последствия, которые могли бы возникнуть, если бы Дарий тогда предпринял поход на Грецию. – Дарий выступает против Скифии. – Его флот составлен из греков Малой Азии и островов. – Он приказывает грекам построить мост через Дунай и переправляется. – Вторжение в Скифию – описание его похода невозможно и бессмысленно как исторический факт. – Скорее, это фантазийная картина, иллюстрирующая скифскую тактику войны. – Поэтическая группировка скифов и их соседей у Геродота. – Сильное впечатление, произведённое скифами на воображение Герод-

ота. – Приказ Дария ионийцам у моста через Дунай. – Ионийцы остаются охранять мост; их действия, когда возвращение Дария задерживается. – Ионийские тираны сохраняют мост, позволяя Дарию переправиться обратно, чтобы укрепить свою власть дома. – Упущенный шанс освободиться от [стр. ix] персов. – Завоевание Фракии персами вплоть до реки Стримон – Миркин близ этой реки отдан Гистиею. – Македония и Пеония покорены Мегабазом. – Наглость персидских послов в Македонии – их убийство. – Гистией основывает процветающую колонию в Миркине – Дарий вызывает его в Азию. – Отан, персидский военачальник на Геллеспонте, покоряет пеласгическое население Лемноса, Имброса и др. – Лемнос и Имброс захвачены афинянами и Мильтиадом.

Глава XXXV. ИОНИЙСКОЕ ВОССТАНИЕ.

Дарий увозит Гистиея в Сузы. – Обращение изгнанного Гиппия к сатрапу Сард Артаферну. – Положение на острове Наксос – наксосские изгнанники просят помощи у Аристагора Милетского. – Поход на Наксос, предпринятый Аристагором при поддержке сатрапа Артаферна. – Его провал из-за разногласий между Аристагором и персидским военачальником Мегабазом. – Тревога Аристагора – он решает поднять восстание против Персии – подстрекательство Гистиея. – Мятеж Аристагора и милетян – тираны в различных городах свергнуты и схвачены. – Восстание распространяется по греческой Малой Азии – Аристагор отправляется за помощью в Спарту. – Отказ спартанцев. – Аристагор обращается к Афинам – получает поддержку от Афин и Эретрии. – Поход Аристагора к Сардам с афинскими и эретрийскими союзниками – поджог города – отступление и поражение греков от персов. – Афиняне разывают союз. – Восстание перекидывается на Кипр и Византий. – Финикийский флот мобилизован персами – персидско-финикийские силы направлены против Кипра – ионийцы посылают подкрепления – победа персов – остров завоёван вновь. – Успехи персов против восставшего побережья Малой Азии. – Аристагор теряет мужество и бежит. – Появление Гистиея, получившего разрешение покинуть Сузы. – Гистией вызывает подозрения у Артаферна – бежит на Хиос. – Тщетно пытается вернуться в Милет – возглавляет небольшой пиратский отряд. – Крупные персидские силы, включая финикийский флот, осаждают Милет. – Объединённый греческий флот собирается у Лады. – Попытки персов расколоть союзников через изгнанных тиранов. – Нехватка командования и дисциплины в греческом флоте. – Энергичность Дионисия Фокейского – ему позволяют возглавить флот. – Недовольство греческих экипажей – они отказываются подчиняться Дионисию. – Контраст между неорганизованностью ионийцев и последующей строгой дисциплиной афинских моряков. – Растут беспорядки и недоверие – предательство самосских капитанов. – Полная победа персидского флота при Ладе – разгром ионийского флота – тяжёлые потери хиосцев. – Добровольное изгнание и приключения Дионисия. – Осада, взятие и разрушение Милета персами. – Финикийский флот отвоёвывает все прибрежные города и острова. – Мильтиад едва избегает погони. – Жестокости персов после повторного завоевания. – Действия и гибель Гистиея. – Сочувствие и ужас афинян при захвате Милета – трагический писатель Фриних подвергается наказанию.

Глава XXXVI. ОТ ИОНИЙСКОГО ВОССТАНИЯ ДО БИТВЫ ПРИ МАРАФОНЕ.

Действия сатрапа Артаферна после повторного завоевания Ионии – Мардоний прибывает с войском в Ионию – он свергает тиранов в греческих городах. – Он движется во Фракию и Македонию – его флот уничтожен страшной бурей у горы Афон – он возвращается в Азию. – Остров Фасос – готовится к восстанию против персов – вынужден подчиниться. – Приготовление Дария к вторжению в Грецию – он рассылает глашатаев по греческим городам с требованием «земли и воды» – многие из них подчиняются. – Эгина среди подчинившихся городов – положение и отношения этого острова. – Глашатаи Дария казнены как в Афинах, так и в Спарте. – Последствия этого акта, ввергнувшего Спарту в состояние вражды с Персией. – Афиняне обращаются к Спарте из-за мездизма (подчинения персам) Эгины. – Вмешательство Спарты – её явное приобретение и принятие лидерства в Греции. – Одним из условий признан-

ного лидерства Спарты была крайняя слабость Аргоса в этот момент. – Победоносная война Спарты против Аргоса. – Уничтожение аргивян Клеоменом в роще героя Арга. – Клеомен возвращается, не напав на город Аргос. – Его судят – его своеобразный способ защиты – оправдан. – Аргос не в состоянии противостоять Спарте в деле Эгины и её верховной власти. – Клеомен отправляется на Эгину, чтобы схватить лидеров-медистов – сопротивление, оказанное ему по наущению его коллеги Демарата. – Демарат низложен, и Леотихид избран царём благодаря интригам Клеомена. – Демарат покидает Спарту и отправляется к Дарию. – Клеомен и Леотихид едут на Эгину, берут десять заложников и увозят их как пленников в Афины. – Важное влияние этого события на исход первого персидского вторжения в Грецию. – Сбор огромного персидского войска под командованием Датиса на Самосе. – Он пересекает Эгейское море – без сопротивления захватывает остров Наксос – шадит Делос. – Он достигает Эвбеи – осада и взятие Эретрии. – Датис высаживается при Марафоне. – Современное состояние и характер афинян. – Мильтиад – его приключения – избран одним из десяти стратегов в год высадки персов при Марафоне. – Фемистокл и Аристид. – Мильтиад, Аристид и, возможно, Фемистокл были среди десяти стратегов в 490 г. до н. э. – Афиняне просят помощи у Спарты – промедление спартанцев. – Разногласия среди десяти афинских стратегов – пятеро из них советуют немедленное сражение, остальные пятеро против. – Настойчивые доводы Мильтиада в пользу немедленного боя – решающий голос полемарха склоняет чашу весов. – Поход афинян к Марафону – платейцы добровольно присоединяются к ним. – Численность армий. – Местность Марафона. – Битва при Марафоне – стремительная атака Мильтиада – поражение персов. – Потери с обеих сторон. – Дальнейшие планы персов против Афин – партия в Аттике, сочувствующая им. – Быстрый марш Мильтиада обратно в Афины в день битвы. – Персы оставляют предприятие и возвращаются домой. – Афины спасены благодаря быстрому бою, навязанному Мильтиадом. – Перемена в греческих настроениях относительно персов – ужас, который они внушали во время битвы при Марафоне. – Огромное влияние марафонской победы на чувства греков – особенно афинян. – Кто были предатели, пригласившие персов в Афины после битвы – ложное обвинение против Алкмеонидов. – Сверхъестественные верования, связанные с битвой – её памятные даты. – Возвращение Датиса в Азию – судьба эретрийских пленников. – Слава Мильтиада – его последующие действия – неудачный поход против Пароса – тяжёлое ранение Мильтиада. – Опала Мильтиада по возвращении. – Его штрафуют – он умирает от раны – штраф выплачивает его сын Кимон. – Размышления о последних приключениях жизни Мильтиада. – Непостоянство и неблагодарность, приписываемые афинянам – насколько они заслуживают этот упрёк. – Обычное настроение афинских судей при оценке прежних заслуг. – Склонность выдающихся греков развращаться успехом. – В каком смысле, по-видимому, верно, что непостоянство было свойством афинской демократии.

Глава XXXVII. ИОНИЙСКИЕ ФИЛОСОФЫ. – ПИФАГОР. – КРОТОН И СИБАРИС.

Фаларис, тиран Агригента. – Фалес. – Ионийские философы – не школа и не преемственность. – Шаг в философии, начатый Фалесом. – Грандиозные проблемы при скудных средствах решения. – Одна из причин скептической струи в греческой философии. – Фалес – первоначальная стихия воды, или жидкости. – Анаксимандр. – Проблема Единого и Многочисленного. – Ксенофан – его учение противоположно учению Анаксимандра. – Элейская школа, Парменид и Зенон, происходящие от Ксенофана – их диалектика – их огромное влияние на греческую мысль. – Ферекид. – История Пифагора. – Его характер и учения. – Пифагор больше миссионер и учитель, чем политик – его политическая эффективность преувеличена поздними свидетелями. – Его этическое воспитание – вероятно, не применялось ко всем членам его ордена. – Упадок и последующее возрождение пифагорейского ордена. – Пифагор не просто заимствователь, но оригинальный и возвышающийся ум. – Он переходит с Самоса в Кротон. – Состояние Кротона – олигархическое правление – отличная гимнастическая подготовка и медицинское искусство. – Быстрые и удивительные эффекты, которые, как

говорят, произвели увещания Пифагора. – Он образует могущественный клуб, или общество, состоящее из трёхсот человек, взятых из богатых классов Кротона. – Политическое влияние Пифагора – было косвенным результатом устройства ордена. – Причины, приведшие к свержению пифагорейского ордена. – Насилия, сопровождавшие его свержение. – Пифагорейский орден сводится к религиозной и философской секте, в каком-то качестве продолжает существовать. – Война между Сибарисом и Кротоном. – Поражение сибаритов и разрушение их города, отчасти благодаря помощи спартанского царевича Дориза. – Волнение, вызванное в эллинском мире разрушением Сибариса. – Постепенный упадок греческого могущества в Италии. – Противоречивые утверждения и доводы относительно присутствия Дориза. – Геродот не упоминает пифагорейцев, когда говорит о войне между Сибарисом и Кротоном. – Харонд, законодатель Катаны, Наксоса, Занклы, Регия и др.

[стр. 1]

ЧАСТЬ II.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ.

Глава XXV. ИЛЛИРИЙЦЫ, МАКЕДОНЯНЕ, ПЕОНИЙЦЫ.

К северу от племён, называемых эпиротами, располагались более многочисленные и широко рассеянные племена, носившие общее название иллирийцев; они были ограничены на западе Адриатическим морем, на востоке – горной цепью Скардуса, северным продолжением Пинда, – и таким образом занимали территорию, ныне называемую Средней и Верхней Албанией, а также более северные горы Черногории, Герцеговины и Боснии. Их границы на севере и северо-востоке невозможно точно определить, но дараданы и аутариаты, должно быть, простирались до северо-востока от Скардуса и даже восточнее сербской равнины Косово; вдоль же Адриатического побережья Скилакс распространяет этот народ так далеко на север, что включает Далмацию, считая либурнов и истров, живущих далее, не иллирийцами: однако Аппиан и другие авторы относят либурнов и истров к иллирийцам, а Геродот даже включает под этим названием энетов, или венетов, находящихся в самой глубине Адриатического залива. [1] Согласно Скилаксу, булины были самым северным иллирийским племенем; аманты же, жившие непосредственно к северу от эпирского племени хаонов, были [р. 3] самым южным. Среди южных иллирийских племён следует упомянуть таулантиев – изначальных владельцев, а впоследствии ближайших соседей территории, на которой был основан Эпидамн. Древний географ Гекатей [2] (около 500 [р. 4] г. до н. э.) знал их достаточно хорошо, чтобы указать их город Сесаретус: он также называл хелидониев их северными, а энхелеев – южными соседями; а также племя абри, жившее по соседству. Мы слышим об иллирийских парфинах, обитавших примерно в тех же краях, – о дассаретиях, [3] близ озера Лихнид, – о пенестах с укрепленным городом Ускана к северу от дассаретиев, – об ардиеях, аутариатах и дараданах, населявших Верхнюю Албанию на восток вплоть до Верхней Мизии, включая сам хребет Скардуса; так что некоторые иллирийские племена граничили на востоке с македонянами, а на юге – как с македонянами, так и с пеонийцами. Страбон даже распространяет некоторые иллирийские племена гораздо дальше на север, почти до Юлийских Альп. [4]

За исключением некоторых частей территории, ныне называемой Средней Албанией, земли этих племен состояли преимущественно из горных пастбищ с некоторой долей плодородных долин, но редко расширялись в равнины. Автариаты имели репутацию невоинственных, но в целом иллирийцы были бедны, хищны, свирепы и грозны в бою. Они разделяли с отдаленными фракийскими племенами обычай татуировать [5] свои тела и приносить человеческие жертвы; более того, они всегда были готовы продавать свою военную службу, подобно современным албанским шкипетарам, в чьих жилах, вероятно, до сих пор течет их кровь, хотя и с значительной примесью от последующих переселений. Об иллирийском царстве на адриатическом побережье со столицей в Скóдре (Скутари), которое стало грозным благодаря своим безрассудным пиратским набегам в III веке до н. э., мы ничего не слышим в период расцвета греческой истории. Описание Скилака упоминает в его время значительную и постоянную торговлю вдоль северной Адриатики между побережьем и внутренними районами, которую вели либурины, истры и небольшие греческие островные поселения Фарос и Исса. Но он не называет Скóдру, и, вероятно, этот укрепленный пункт – вместе с греческим городом Лисс, основанным Дионисием Сиракузским – был занят после его времени завоевателями из внутренних областей, [6] предшественниками Агрона и Гентия, – подобно тому как прибрежные земли Термейского залива были завоеваны македонцами из глубины страны.

Однажды во время Пелопоннесской войны отряд наемных иллирийцев, вторгшийся в Македонию Линкестиду (по-видимому, через перевал Скард, немного восточнее Лихнида, или Охрида), испытал доблесть спартанца Брасида; и в этом случае – как и в упомянутом выше

походе эпиротов против Акарнании – мы заметим явное превосходство греческого характера, даже в случае войска, состоявшего в основном из недавно освобожденных илотов, над македонцами и иллирийцами, – мы увидим контраст между храбрецами, действующими сообща и подчиняющимися общей власти, и нападающей толпой воинов, не менее храбрых поодиночке, но где каждый сам себе господин, [7] и сражается как ему угодно. Стремительный и яростный натиск иллирийцев, если первый удар не достигал цели, сменялся столь же быстрым отступлением или бегством. После этого мы ничего не слышим об этих варварах вплоть до времени Филиппа Македонского, чья энергия и военная мощь сначала подавили их набеги, а затем частично покорили их. По-видимому, примерно в этот период (400–350 гг. до н. э.) произошло [стр. 6] великое движение кельтов с запада на восток, которое привело галльских скордисков и другие племена в земли между Дунаем и Адриатическим морем и, вероятно, вытеснило некоторых северных иллирийцев, заставив их искать новые предприятия и новые места обитания.

Территория, ныне называемая Средней Албанией, иллирийские земли непосредственно к северу от Эпира, гораздо плодороднее последнего. [8] Хотя она и гориста, здесь больше и низких холмов, и долин, а также обширных и более плодородных пахотных пространств. Эпидамн и Аполлония служили морскими портами этой территории, и торговля с южными иллирийцами, менее варварскими, чем северные, была одним из источников [9] их процветания в течение первого века их существования, – процветания, прерванного в случае эпидамнийцев внутренними раздорами, которые ослабили их превосходство над иллирийскими соседями и в конечном итоге поставили их в оппозицию к своей метрополии Керкире. Торговля между этими греческими портами и внутренними племенами, когда первые стали достаточно сильны, чтобы сделать безнадежными нападения со стороны последних, была взаимовыгодной для обеих сторон. Греческое масло и вино проникали к этим варварам, чьи вожди одновременно учились ценить тканые изделия, [10] полированные и резные металлические изделия, закаленное оружие и керамику, созданные греческими мастерами. Более того, ввоз соленой рыбы, а особенно соли, имел огромное значение для этих жителей внутренних областей, особенно для таких мест, как окрестности Лихнида, где было озеро, богатое рыбой. Известно о войнах между автариатами и ардиеями из-за соляных источников у их границ, а также о других племенах, которых лишение соли вынудило подчиниться [стр. 7] римлянам. [11] С другой стороны, эти племена обладали двумя предметами обмена, столь ценными в глазах греков, что Полибий считал их абсолютно незаменимыми, [12] – скотом и рабами; [стр. 8] последних, несомненно, добывали в Иллирии, часто в обмен на соль, как и во Фракии, на Понте Эвксинском и в Аквилее на Адриатике, благодаря междоусобным войнам племен. В Иллирии разрабатывались серебряные рудники в Дамастионе. Воск и мед, вероятно, также были предметами экспорта, и доказательством того, что природные богатства Иллирии тщательно разыскивались, служит тот факт, что особый вид ириса, характерный для этой страны, собирали и отправляли в Коринф, где его корень использовали для придания особого аромата знаменитому виду благовонного масла. [13]

Взаимодействие между греческими портами и внутренними иллирийцами не ограничивалось торговлей. Греческие изгнанники также проникали в Иллирию, а греческие мифы обретали там новую родину, как видно из сказания о Кадме и Гармонии, от которых вели свое происхождение вожди иллирийских энхелеев. [14]

Македонцы IV века до н. э., благодаря способностям и предприимчивости двух последовательных царей, достигли высокого уровня греческой военной организации, не переняв при этом более возвышенных эллинских качеств. Их деятельность в Греции носила исключительно разрушительный характер: они подавили свободное развитие отдельных городов и разоружили граждан-воинов, чтобы расчистить место для иностранных наемников, чьи мечи не освяща-

лись никакими патриотическими чувствами, – и при этом оказались совершенно неспособными создать какую-либо эффективную систему централизованного или мирного управления.

Однако македонцы VII и VI веков до н. э. представляли собой лишь совокупность грубых племен, живших в глубине материка, разделенных на мелкие княжества и отдаленных от греков еще большей этнической разницей, чем даже эпироты. Ведь Геродот, считавший молоссов и феспров эпиротов потомками Эллина, определенно придерживался противоположного мнения относительно македонцев. [15] В целом, однако, в этот ранний период они, по-видимому, были схожи с эпиротами по характеру и уровню цивилизации. У них было несколько городов, но в основном они жили в деревнях, отличаясь храбростью и воинственностью. Обычай некоторых их племен предписывали, чтобы человек, еще не убивший врага, в определенных случаях носил позорный знак отличия. [16]

Исконные земли македонцев располагались к востоку от хребта Скардус (северного продолжения Пинда) – к северу от цепи Камбунских гор, соединяющих Олимп с Пиндом и образующих северо-западную границу Фессалии. Однако они не простирались так далеко на восток, как Термейский залив; по-видимому, их восточная граница не заходила дальше горы Бермий, примерно на долготе Эдессы и Беррои. Таким образом, они занимали верховья рек Галиакмон и Эригон до их слияния с Аксием, тогда как верхнее течение Аксия выше этой точки, вероятно, принадлежало Пеонии, – хотя границы Македонии и Пеонии никогда не были четко определены.

Обширная территория между указанными границами в значительной степени гориста, занята боковыми хребтами и возвышенностями, связанными с основной линией Скардуса. Однако она также включает три обширные аллювиальные равнины, пригодные для [стр. 10] земледелия: равнину Тетово, или Калканделе (самую северную из трех), где берут начало и протекают верховья Аксия (Вардара); равнину Битолы, во многом совпадающую с древней Пелагонией, по которой течет Эригон к Аксию; и более обширную холмистую котловину Гревено и Анаселицы, содержащую верхний Галиакмон с его притоками. Последний регион отделен от Фессалийской равнины длинной горной грядой, но с множеством удобных перевалов. [17]

Если считать Фессалийскую равнину четвертой, то на восточной стороне этой длинной цепи Скардуса и Пинда расположены четыре обособленные замкнутые равнины, каждая из которых ограничена горами, круто поднимающимися до альпийских высот, и имеет лишь один выход для стока через единственную реку – соответственно Аксий, Эригон, Галиакмон и Пеней. Кроме того, все четыре, хотя и расположены высоко над уровнем моря, отличаются плодородием, особенно равнины Тетово, Битолы и Фессалии. Тучные, богатые земли к востоку от Пинда и Скардуса резко контрастируют с легкими известковыми почвами албанских долин на западной стороне.

Котловины Битолы и Галиакмона с окружающими и прилегающими горами принадлежали исконным македонцам; Тетово на севере – части пеонийцев. Из четырех Фессалия самая обширная, но две, входившие в первоначальные владения македонцев, также весьма значительные по размеру, представляли собой территорию, более благоприятную для роста населения, чем менее щедрые земли и узкие долины эпиротов или иллирийцев. Обилие легко выращиваемого зерна, пастбищ для скота и новых плодородных земель способствовало увеличению числа закаленных деревенских жителей, равнодушных к роскоши и накоплению, и свободных от грабительского гнета правителей, который сегодня угнетает эти прекрасные края. [18]

[стр. 11] Жители этой древней Македонии, несомненно, различались в античные времена, как и сейчас, в зависимости от того, обитали ли они в горах или на равнине, в более или менее благоприятных почвенно-климатических условиях. Однако все они признавали общее этническое имя и национальность, а племена часто отличались друг от друга не собственными названиями, а лишь локальными эпитетами греческого происхождения. Так, мы встречаем

элимиотов-македонцев, или македонцев из Элимеи, – линкестов-македонцев, или македонцев из Линка, и т. д. Орестами, несомненно, также называли аналогичным образом.

[стр. 12] Жители более северных областей, Пелагонии и Деуโรปиса, также входили в македонскую общность, хотя были соседями пеонийцев, с которыми имели много общего. Сложнее сказать, принадлежали ли эорды и алмопы к македонской расе. Македонский язык отличался от иллирийского, [19] фракийского и, по-видимому, также от пеонийского. Он также отличался от греческого, но, вероятно, не сильнее, чем язык эпиротов, – так что усвоение греческого языка было для вождей и народа относительно легким, хотя некоторые греческие буквы они так и не могли правильно произносить.

И если мы проследим их историю, то обнаружим в них больше черт регулярных воинов, завоевывающих ради поддержания власти и дани, и меньше – вооруженных грабителей, чем у окружавших их иллирийцев, фракийцев или эпиротов. Они ближе к фессалийцам [20] и другим, менее одаренным членам эллинской семьи.

Большой и сравнительно плодородный регион, занимаемый различными группами македонцев, помогает объяснить то возрастающее влияние, которое они постепенно приобрели над всеми своими соседями. Однако лишь в поздний период они объединились под единым правительством. Изначально каждая группа – сколько именно, мы не знаем – имела своего собственного князя или вождя.

Элимиоты, или жители Элимеи, самой южной части Македонии, изначально были отдельными и независимыми; также оресты, обитавшие в горных районах несколько северо-западнее эли [стр. 13] миотов, – линкесты и эорды, занимавшие территории вдоль позднейшей Эгнatieвой дороги между Лихнидом (Охридом) и Эдессой, – пелагонцы [21], с одноимённым городом в плодородной долине Битолы, – и более северные деуриопы.

Ранние политические объединения были настолько слабыми, что каждое из этих названий, вероятно, включало множество мелких независимых образований – небольших городов и деревень. Та часть македонцев, которая впоследствии поглотила все остальные и стала известна как собственно македонцы, изначально имела свой центр в Эгах, или Эдессе – на возвышенном, господствующем и живописном месте современного Водена. И хотя в более поздние времена резиденция царей была перенесена в болотистую Пеллу, расположенную в приморской равнине ниже, Эдесса оставалась местом царских захоронений и символическим очагом, с которым была связана религиозная преемственность народа, столь почитаемая в древности.

Этот древний город, лежавший на римской Эгнatieвой дороге от Лихнида до Пеллы и Фессалоники, служил перевалом через горный хребет Бермий – северное продолжение Олимпа, через которое Галиакмон прорывается к приморской равнине у Веррии по ущелью, ещё более крутому и труднопроходимому, чем ущелье Пеней в Темпейской долине.

Горная цепь Бермий, протянувшаяся от Олимпа далеко к северу от Эдессы, изначально служила восточной границей македонских племён, которые, по-видимому, сначала не достигали долины Аксия ни на одном участке его течения и уж точно не выходили к Термейскому заливу. Между этим заливом и восточными отрогами Олимпа и Бермий существует узкая полоса равнинной земли и низких холмов, простирающаяся от устья Пеней до вершины Термейского залива. Там она расширяется в обширную и плодородную равнину Салоников, включающую устья Галиакмона, Аксия и Эхедора: река Лудий, текущая из Эдессы в болота вокруг Пеллы и в древности впадавшая в Галиакмон близ его устья, теперь изменила своё русло и соединяется с Аксием.

Эта узкая полоса между [стр. 14] устьями Пеней и Галиакмона была изначальным местом обитания пиерийских фракийцев, живших у подножия Олимпа, среди которых культ Муз, по-видимому, был исконной чертой. Греческая поэзия изобилует местными налётами и эпита-

тами, которые, вероятно, восходят к этому раннему факту, хотя мы не можем проследить это в деталях.

К северу от пиерийцев, от устья Галиакмона до устья Аксия, жили боттии [22]. За рекой Аксий, в нижнем [стр. 15] течении, начинались племена великого фракийского народа – мигдоны, крестоны, эдоны, бисалты, сифоны: из них мигдоны, по-видимому, изначально были наиболее могущественными, поскольку страна даже после македонского завоевания продолжала называться Мигдонией. Эти и другие фракийские племена изначально занимали большую часть территории между устьями Аксия и Стримона, включая знаменитый трёхзубчатый полуостров, получивший от греческих колоний имя Халкидика.

Таким образом, если считать боттиеев, как и пиерийцев, фракийцами, то фракийский народ изначально простирался на юг вплоть до устья Пеней. Боттии, правда, заявляли о своём критском происхождении, но это утверждение не упоминается ни Геродотом, ни Фукидидом. Во времена Скилака [23], по-видимому, в раннее правление Филиппа, сына Аминты, Македония и Фракия разделялись Стримоном.

Остаётся упомянуть пеонов – многочисленный и раздробленный народ, по-видимому, не принадлежавший ни к фракийцам, ни к македонцам, ни к иллирийцам, но считавший себя потомками тевкров из Трои. Они занимали оба берега Стримона от окрестностей горы Скомий, где берёт начало эта река, вплоть до озера у её устья. Некоторые из их племён владели плодородной равниной Сирис (ныне Серрес), землями к северу от Пангея и даже частью территории, по которой Ксеркс шёл от Аканфа к Ферме.

Кроме того, верхние части долины Аксия также были заселены пеонскими племенами; как далеко вниз по реке они простирались, мы сказать не можем. Не следует думать, что вся территория между Аксием и Стримоном была сплошь заселена ими. Непрерывность заселения не была характерна для древнего мира, и, кроме того, в то время как земли вдоль обеих рек во многих местах исключительно плодородны, пространства между ними представляют собой либо горы, либо бесплодные низкие холмы – резко контрастируя с богатой аллювиальной долиной македонской реки Эригон [24].

Таким образом, пеоны на северо-западе граничили с македонской Пелагонией, на севере – с иллирийскими дарданами и аутариатами, на востоке, юге и юго-востоке – с фракийцами и пиерийцами [25], то есть с землями, куда были оттеснены пиерийцы под Пангеем.

Таково было, насколько мы можем это установить, положение македонцев и их ближайших соседей в VII веке до н. э. Впервые оно изменилось благодаря предприимчивости и способностям семьи изгнанных греков, которые привели часть македонского народа к завоеваниям, впоследствии невероятно умноженным их потомками – Филиппом и Александром Великим.

Глава XXVI. ФРАКИЙЦЫ И ГРЕЧЕСКИЕ КОЛОНИИ ВО ФРАКИИ.

Обширное пространство между реками Стримоном и Дунаем, ограниченное на западе восточными иллирийскими племенами к северу от Стримона, было занято бесчисленными племенами народа, называемого фракийцами, или трерами. По словам Геродота, это был самый многочисленный и самый грозный народ из всех известных ему: если бы они могли объединиться под одной властью (говорит он), они были бы непобедимы. Подобная угрожающая ситуация едва не сложилась в первые годы Пелопоннесской войны при правлении Ситалка, царя одрисов, который правил от Абдеры у устья Неста до Понта и подчинил своей власти значительную часть этих свирепых, но воинственных грабителей, так что даже греки вплоть до Фермопил трепетали перед его ожидаемым нашествием. Однако способности этого правителя оказались недостаточными, чтобы эффективно объединить все силы Фракии для совместных действий против других.

Хотя фракийские племена были многочисленны, их обычаи и характер (по Геродоту) отличались значительным единообразием: о гетах, траузах и других он сообщает несколько особенностей. Обширная территория, на которой расселился этот народ, включала весь хребет Гема и ещё более высокий Родопы, а также часть гор Орбел и Скокий, но частично она состояла из равнинных и плодородных земель – таких, как великая равнина Адрианополя и земли в нижнем течении рек Нест и Гебр. Фракийцы равнин, хоть и не менее воинственные, были всё же более оседлыми и менее алчными до чужой добычи, чем их горные собратья. Однако общий характер этого народа представлял собой совокупность отталкивающих черт, не смягчённых даже простейшими проявлениями семейных привязанностей [с. 21]. [34] Фракийский вождь возводил свою родословную к богу, которого греки называли Гермесом, и приносил ему жертвы отдельно от своего племени, иногда в виде желанного дара – человеческой жертвы. Он наносил татуировки на своё тело [35] и на тела своих женщин как знак благородного происхождения: он покупал жён у их родителей и продавал своих детей иностранным купцам для вывоза; он считал позором обрабатывать землю и чувствовал честь только в добыче, добытой войной и грабежом. Фракийские племена поклонялись божествам, которых греки отождествляли с Аресом, Дионисом и Артемидой: великое святилище и оракул их бога Диониса находился на одной из высочайших вершин Родоп, среди густых и туманных зарослей – обители свирепых и неприступных сатров. Чтобы проиллюстрировать фракийский характер, можно обратиться к поступку, совершённом царём бизалтов – возможно, одним из нескольких вождей этого обширного фракийского племени, чьи земли между Стримоном и Аксием лежали на прямом пути Ксеркса в Грецию. Он бежал на пустынные высоты Родоп, чтобы избежать позора быть втянутым в число принудительных союзников персидского вторжения, и запретил своим шести сыновьям участвовать в нём. Из-за безрассудства или любопытства сыновья послушали его и последовали за Ксерксом в Грецию; они вернулись невредимыми от греческого копья, но разгневанный отец, когда они вновь предстали перед ним, приказал выколоть всем им глаза. Успех у фракийцев проявлялся в повышенной готовности проливать кровь; но как воины – единственное занятие, которое они уважали, – они были не менее храбры, чем выносливы, и стойко держались в своём особом строю против сил, значительно превосходивших их в военном искусстве. [36] Кажется, что финийцы и би [р. 22] финцы [37] на азиатской стороне Босфора, а возможно, и мисийцы, принадлежали к этому великому фракийскому народу, который также был отдалённо связан с фригийцами. И весь этот народ можно охарактеризовать как более азиатский, чем европейский, особенно в тех экстатических и неистовых религиозных обрядах, которые были распространены не меньше среди

эдонских фракийцев, чем в горах Иды и Диндимона в Азии, хотя и с некоторыми важными различиями. Фракийцы поставляли грекам наёмных воинов и рабов, а многочисленные греческие колонии на побережье смягчили нравы ближайших племён, между вождями которых и греческими лидерами нередко заключались браки. Однако племена в глубине страны, по-видимому, сохранили свои дикие обычаи с небольшими изменениями, так что слова Тацита [38], описывающие их, являются уместным продолжением слов Геродота, хотя и написанным более чем пять веков спустя.

Отмечать положение каждого из множества различных племен на огромной территории Фракии, которая даже сейчас изучена настолько неполно и плохо картографирована, было бы излишне и даже невозможно. Я перейду к описанию основных греческих колоний, основанных в этой стране, упоминая попутно те фракийские племена, с которыми они соприкасались.

Греческие колонии, основанные на Термейском заливе, а также на полуострове Халкидике, происходили главным образом из Халкиды и Эретрии. Хотя точное время их основания неизвестно, они, по-видимому, появились рано и, вероятно, предшествовали тому периоду, когда македоняне из Эдессы расширили свои завоевания до моря. В те ранние времена греки застали пиерийцев еще между Пенеем и Галиакмоном, а также множество мелких фракийских племен на обширной части Халкидского полуострова; они нашли Пидну – пиерийским городом, а Терму, Анфем, Халастру и другие – мигдонскими.

Древнейшей греческой колонией в этих краях, кажется, [стр. 23] была Метона, основанная эретрийцами в Пиерии; почти в то же время (если верить сообщению довольно сомнительного характера, хотя сама дата вполне правдоподобна), как Керкира была заселена коринфянами (около 730–720 гг. до н. э.). [39] Она располагалась немного севернее пиерийского города Пидны и была отделена примерно десятью милями от боттиейского города Алор, лежавшего к северу от Галиакмона. [40] О Метоне мы знаем очень мало, кроме того, что она сохраняла свою автономию и эллинский характер до времен Филиппа Македонского, который захватил и разрушил ее. Но хотя, будучи однажды основанной, она была достаточно сильна, чтобы устоять, несмотря на завоевания македонян из Эдессы вокруг нее, можно предположить, что изначально она не могла быть основана на македонской территории. Да и само место не было особенно выгодным для греческих колонистов, поскольку поблизости находились другие приморские города – негреческие: Пидна, Алор, Терма, Халастра; тогда как главное преимущество греческой колонии заключалось в том, чтобы стать единственным портом для внутренних коренных народов.

Колонии, основанные Халкидой и Эретрией на всех трех выступках Халкидского полуострова, были многочисленны, хотя долгое время оставались незначительными. Мы не знаем, насколько эти мысы были заселены до прибытия поселенцев из Эвбеи – события, которое, вероятно, можно отнести к периоду ранее 600 г. до н. э.; после этого времени Халкида и Эретрия, кажется, пришли в упадок. Кроме того, халкидские колонисты во Фракии помогали своей метрополии Халкиде в войне против Эретрии, которая не могла быть намного позже 600 г. до н. э., хотя могла быть и значительно раньше.

Горный хребет, пересекающий от Термейского до Стримонского залива и образующий северную границу Халкидского полуострова, понижается к южной оконечности, оставляя значительную полосу плодородной земли между Торонейским и Термейским заливами, включая плодородный мыс Паллена – самый западный из трех выступов Халкидики, вдающихся в Эгейское море. Из двух других выступов восточный заканчивается величественной горой Афон, поднимающейся из моря как отвесная скала высотой [стр. 24] шесть тысяч четыреста футов, соединенная с материком хребтом не более половины высоты самой горы, но все же высоким, скалистым и лесистым от моря до моря, оставляя лишь небольшие участки, пригодные для заселения или обработки. Промежуточный, или Сифонийский, мыс также холмист и лесист, хотя в меньшей степени – менее привлекательный и менее плодородный, чем Паллена. [41]

Энея, близ мыса, отмечающего вход во внутренний Термейский залив, и Потидея, на узком перешейке Паллены, были основаны Коринфом. Между этими городами лежала плодородная территория Крусида, или Кроссэя, впоследствии ставшая частью владений Олинфа, но в VI веке до н. э. занятая мелкими фракийскими поселениями. [42] В Паллене находились города Менда – колония Эретрии, Скиона, не имевшая признанной метрополии и возводившая свое происхождение к пелленским воинам, возвращавшимся из-под Трои, – Афитис, Неаполь, Эге, Терамб и Сана, [43] полностью или частично основанные эретрийцами. На Сифонийском полуострове располагались Асса, Пилор, Синг, Сарта, Торона, Галепс, Сермила и Мекиберна; большинство из них, по-видимому, имели халкидское происхождение. Но во главе Торонейского залива (между Сифонией и Палленой) находился Олинф, окруженный обширной плодородной равниной. Первоначально боттийский город, Олинф во время персидского нашествия перешел в руки халкидских греков [44] и постепенно объединил вокруг себя несколько мелких соседних поселений этого народа, благодаря чему халкидцы приобрели заметное преобладание на полуострове, которое сохраняли даже перед лицом усилий Афин вплоть до времен Филиппа Македонского.

[стр. 25] На скудных участках, оставленных горным мысом, заканчивающимся Афеном, были основаны некоторые фракийские и пеласгические поселения, населенные теми же народами, что занимали Лемнос и Имброс; с ними жили немногочисленные халкидские граждане, а население говорило как на пеласгийском, так и на эллинском. Но близ узкого перешейка, соединяющего этот мыс с Фракией, и вдоль северо-западного побережья Стримонского залива располагались греческие города значительной важности – Сана, Аканф, Стагира и Аргил, все колонии Андроса, который сам был колонизирован Эретрией. [45] Основание Аканфа и Стагиры относят к 654 г. до н. э.

Если следовать вдоль южного побережья Фракии от устья Стримона на восток, можно усомниться, существовали ли к 560 г. до н. э. там сколько-нибудь значительные независимые греческие колонии. Ионийская колония Абдера, восточнее устья Неста, основанная теосцами из Ионии, относится к более позднему времени, хотя клазоменцы [46] начали неудачное поселение там еще в 651 г. до н. э. Между тем Дикея – хиосское поселение Маронея – и лесбосское поселение Эн при устье Гебра имеют неизвестную дату основания. [47] Важная и ценная территория близ устья Стримона, где после многих неудачных попыток [48] позже утвердилась афинская колония Амфиполь, в упомянутое время принадлежала эдонским фракийцам и пиерийцам: различные фракийские племена – сатры, эдоны, дерсеи, сапеи, бистоны, киконы, петы и др. – контролировали большую часть земель между Стримоном и Гебром, вплоть до побережья. Однако стоит отметить, что острова Фасос и Самофракия имели так называемую Перайю [49] – полосу материковой земли, возделываемую и защищаемую с помощью укрепленных постов или небольших городов. Вероятно, эти владения очень древние, поскольку они, кажется, были необходимы для поддержания жизни на островах.

Особенно бесплодный Фасос даже сегодня соответствует непривлекательному описанию, данному ему поэтом Архилохом в VII веке до н. э.: «ослиный хребет, покрытый диким лесом». [50] Он почти полностью состоит из гор – голых или лесистых, с редкими участками пахотной земли, почти все из которых расположены у моря. Первоначально остров был занят финикийцами, разрабатывавшими золотые рудники в его горах с таким усердием, что даже их остатки вызывали восхищение Геродота. Как и когда они покинули его, неизвестно, но поэт Архилох [51] был среди паросских колонистов, заселивших его в VII веке до н. э. и ведших не всегда успешные войны против фракийского племени саиев: в одном из сражений Архилох был вынужден бросить свой щит. Благодаря своим рудникам и владениям на материке (где находились еще более богатые месторождения, например, в Скапте-Гиле и других местах, чем на острове), фасосские греки достигли значительного могущества и численности.

И поскольку они, кажется, были единственными греками до основания милетцем Гистиеем поселения на Стримоне около 510 г. до н. э., активно интересовавшимися рудниками Фракии напротив их острова, неудивительно, что их чистый доход до персидского завоевания (около 493 г. до н. э.), после покрытия государственных расходов без какого-либо налогообложения, составлял огромную сумму в двести талантов, иногда даже триста талантов в год (от сорока шести до шестидесяти шести тысяч фунтов).

На длинном полуострове, называемом Фракийским Херсонесом, вероятно, уже в ранний период существовали небольшие греческие поселения, хотя точное время основания как Милетской колонии Кардии на западной стороне перешейка полуострова, близ Эгейского моря, так и Эолийской колонии Сеста на Геллеспонте, нам неизвестно. Афинское влияние на полуострове начинается лишь с переселения первого Мильтиада во время правления Писистрата в Афинах.

Самосская колония Перинф на северном побережье Пропонтиды [52] упоминается как древняя, а Мегарские колонии – Селимбрия и Византий – относятся к VII веку до н. э. Последняя из них датируется 30-й Олимпиадой (657 г. до н. э.), а её сосед Халкедон на противоположном берегу был основан на несколько лет раньше.

Местоположение Византия на узком проливе Босфора, с его обильным промыслом тунца [53], который обеспечивал занятость и пропитание значительной части бедных свободных граждан, было одинаково удобно как для морской торговли, так и для сбора дани с многочисленных хлебных судов, проходивших из Эвксина в Эгейское море. Более того, сообщается, что город держал в подчинённом положении значительное число соседних фракийцев-битинов в качестве платящих дань перизков. Хотя такое господство, вероятно, сохранялось в более энергичный период жизни греческих городов, в более поздние времена оно стало невозможным, и даже защита собственной небольшой территории иногда оказывалась византийцам не по силам. Тем не менее, этот город сохранял значительное влияние на протяжении всей описываемой эпохи. [54]

Греческие поселения на негостеприимном юго-западном побережье Эвксина, к югу от Дуная, по-видимому, так и не [стр. 28] достигли заметного значения: основные торговые маршруты греческих кораблей в этом море вели в более северные порты – на берегах Борисфена и в Таврическом Херсонесе.

Истрия была основана милетянами близ южного устья Дуная, Аполлония и Одесс – на том же побережье, южнее, вероятно, между 600–560 гг. до н. э. Мегарская (или византийская) колония Месамбрия, по-видимому, возникла после Ионийского восстания; время основания Каллатиса неизвестно. Тома, расположенные севернее Каллатиса и южнее Истрии, известны как место ссылки Овидия. [55] Описание этого неприветливого места, почти не знавшего передышки от соседства кровожадных гетов, вполне объясняет, почему эти города не приобрели сколь-либо значительного влияния.

Острова Лемнос и Имброс в Эгейском море в этот ранний период были заселены тирренскими пеласгами, завоёваны персами около 508 г. до н. э. и, по-видимому, перешли под власть афинян во время восстания Ионии против Персии. Если в мифических и поэтических преданиях об этих тирренских пеласагах есть доля истины, они должны были быть пиратами не менее жадными, чем жестокими. В определённый период пеласги, кажется, владели и Самофракией, но как и когда их сменили греки, достоверных сведений нет: ко времени Персидских войн население Самофракии было ионийским. [56] [стр. 29]

Глава XXVII. КИРЕНА И БАРКА. – ГЕСПЕРИДЫ.

Как уже упоминалось в предыдущей главе, Псамметих, царь Египта, около середины VII века до н. э., впервые отменил запреты, исключавшие греческую торговлю из его страны. В его правление греческие наёмники впервые обосновались в Египте, а греческие торговцы были допущены, с определёнными ограничениями, в Нил. Открытие этого нового рынка побудило их пересечь открытое море, отделяющее Крит от Египта, – опасное плавание для судов, редко решавшихся терять из виду берег, – и, по-видимому, впервые познакомило их с соседним побережьем Ливии между Нилом и заливом, называемым Большим Сиртом. Так было положено начало важной колонии под названием Кирена.

Как и в случае большинства других греческих колоний, ранняя история Кирены, включая её основание, известна весьма фрагментарно. Дата события, насколько её можно установить среди множества противоречивых свидетельств, – около 630 г. до н. э. [57] Материнским городом была Тера, сама являвшаяся колонией Лакедемона; а поселения, основанные в Ливии, стали немаловажным украшением дорийского имени в Элладе.

Согласно рассказу утраченного историка Менекла, [58] политические раздоры среди жителей Теры привели к тому переселению, которое основало Кирену; а более пространственные легендарные подробности, собранные Геродотом частично от жителей Теры, частично от киренцев, не противоречат этому утверждению, хотя и указывают скорее на неурожаи, бедствия и перенаселение. Оба источника особо подчёркивают, что Дельфийский оракул был вдохновителем и [р. 30] руководителем первых переселенцев, чьи опасения перед опасным плаванием и неизвестной страной было очень трудно преодолеть. Оба утверждали, что первоначальный ойкист Батт был избран и посвящён этому делу по божественному повелению; оба называли Батта сыном Полимнеста из мифического рода Миниев. Но в других моментах между двумя историями было полное расхождение, а сами киренцы, чей город частично населили переселенцы с Крита, описывали мать Батта как дочь Этарха, правителя критского города Акс. [59]

У Батта был дефект речи, и именно когда он просил у Дельфийского оракула исцеления от этого недуга, он получил указание отправиться «как скотовод-ойкист в Ливию». Страдающим жителям Теры было велено помочь ему, но ни он, ни они не знали, где находится Ливия, и не могли найти на Крите никого, кто бывал там. Таковы были ограниченные возможности греческой навигации к югу от Эгейского моря даже спустя столетие после основания Сиракуз. Наконец, после долгих расспросов они обнаружили человека по имени Коробий, занимавшегося ловлей пурпурных моллюсков, который сказал, что однажды был занесён штормом на остров Платею, близ берегов Ливии, со стороны, не слишком удалённой от западной границы Египта. Несколько жителей Теры, отправленные с Коробием осмотреть этот остров, оставили его там с запасом провизии и вернулись в Теру, чтобы собрать переселенцев. Из семи округов, на которые делилась Тера, были выбраны колонисты – по одному брату, избранному жребием из разных многочисленных семей. Но их возвращение на Платею так затянулось, что запасы Коробия иссякли, и от голодной смерти его спасло лишь случайное прибытие самосского корабля, сбившегося с курса на пути в Египет из-за противных ветров. Колэй, капитан этого судна (чьи огромные прибыли от первого плавания в Тартесс упоминались в предыдущей главе), снабдил его провизией на год – акт доброты, который, как говорят, заложил основу будущего союза и добрых отношений между Терой, Киренаикой и Самосом. Наконец, долгожданные переселенцы достигли острова, [р. 31] но их плавание было настолько опасным и трудным, что они однажды в отчаянии вернулись в Теру, где их едва не позволили высадиться силой. Отряд, сопровождавший Батта, разместился всего на двух пентеконтерах – военных кораблях

с пятьюдесятью гребцами каждый. Так скромно началась великая Кирения, которая во времена Геродота занимала городскую площадь, равную всему острову Платея. [60]

Остров, однако, хотя и близкий к Ливии и считавшийся колонистами частью Ливии, на самом деле таковым не был: повеление оракула не было исполнено буквально. В результате поселение принесло лишь тяготы на протяжении двух лет, и Батт вернулся со своими спутниками в Дельфы, чтобы пожаловаться, что обещанная земля оказалась горьким разочарованием. Бог через свою жрицу ответил: «Если вы, никогда не бывавшие в скотоводческой Ливии, знаете её лучше, чем я, который там был, я восхищаюсь вашей проницательностью». Снова неумолимый приказ заставил их вернуться, и на этот раз они обосновались на самом континенте Ливии, почти напротив острова Платея, в местности под названием Азирис, окружённой с обеих сторон прекрасными лесами и прилегающим к ней ручьём. После шести лет проживания в этом месте их уговорили некоторые из местных ливийцев покинуть его, пообещав привести в лучшее место: и теперь их проводники привели их на настоящее место Кирены, сказав: «Вот, эллины, место, где вам следует поселиться, ибо здесь небо продырявлено». [61] Дорога, по которой они шли, проходила через соблазнительную область Ирасу с её источником Тесте, и проводники позаботились провести их через неё ночью, чтобы они не узнали о её красотах.

Таковы были божественные и человеческие предпосылки, приведшие Батта и его колонистов в Кирена. Во времена Геродота Ираса была окраинной частью восточных владений этого могущественного города. Но в только что приведённом рассказе мы видим [р. 32] мнение, распространённое среди его киренских информаторов, что Ираса с её источником Тесте была более привлекательным местом, чем Кирена с её источником Аполлона, и благоразумие требовало изначально выбрать её; из этого мнения, в соответствии с общей привычкой греческого ума, родился и укрепился анекдот, объясняющий, как была совершена предполагаемая ошибка. Каковы могли быть преимущества Ирасы, нам не дано узнать: но описания современных путешественников, как и последующая история Кирены, в значительной степени оправдывают сделанный выбор. Город располагался примерно в десяти милях от моря, имея защищённую гавань под названием Аполлония, которая сама позже стала значительным городом, — он находился примерно в двадцати милях от мыса Фигус, самой северной точки африканского побережья, почти на одной долготе с пелопоннесским мысом Тенарон (Матапан). Кирена была расположена на высоте около восемнадцатисот футов над уровнем Средиземного моря, с прекрасным видом на него и сама была хорошо видна с моря, на краю цепи холмов, спускающихся террасами к порту. Почва в непосредственной близости, частично известковая, частично песчаная, по описанию капитана Бичи, отличается буйной растительностью и замечательным плодородием, хотя древние считали её в этом отношении уступающей Барке [62] и Гесперидам, и ещё более — более западным районам близ Кинипа. Но обильные сезонные дожди, притягиваемые окружающими высотами и оправдывающие выражение «продырявленное небо», были даже важнее, под африканским солнцем, чем исключительное плодородие почвы. [63] Приморские районы близ Кирены, Барки [р. 33] и Гесперид производили масло и вино, а также зерно, в то время как обширная территория между этими городами, состоящая из чередующихся гор, лесов и равнин, была идеально подходит для пастбищ и скотоводства; а порты были безопасны, предоставляя удобства для торговли греческих купцов с Северной Африкой, каких не было вдоль всего побережья Большого Сирта к западу от Гесперид. Обилие пригодной земли, — большое разнообразие климата и сезонов урожая между побережьем, низкими холмами и верхними горами на небольшом пространстве, так что жатва шла непрерывно, а свежие продукты поступали с земли в течение восьми месяцев в году, — а также монополия на ценное растение сильфий, которое росло только в Киренаике и сок которого широко требовался по всей Греции и Италии, — привели к быстрому росту Кирены, несмотря на серьёзные и повторяющиеся политические потрясения. И даже сейчас огромные руины, отмечающие её опустевшее место, следы прошлых трудов и забот у Источника [р. 34] Аполлона и в других

местах, наряду с обилием высеченных и украшенных гробниц, – достаточно свидетельствуют о том, каким великим было это место во времена Геродота и Пиндара. Настолько киренцы гордились сильфием, дико росшим в их глубинке, от острова Платея на востоке до внутренней части Большого Сирта на западе, – листья которого были очень полезны для скота, стебель – для людей, а корень давал особый сок на экспорт, – что утверждали, будто он впервые появился за семь лет до прибытия первых греческих колонистов в их город. [64]

Но не только свойства почвы способствовали процветанию Кирены. Исократ [65] хвалит удачно выбранное место для этой колонии, поскольку она была основана среди местных племён, легко поддающихся подчинению, и далеко от серьёзных врагов. Нет сомнений, что коренные ливийские племена в значительной степени способствовали росту греко-ливийских городов; и, рассматривая историю этих городов, мы должны помнить, что их население не было чисто греческим, а в большей или меньшей степени смешанным, как в колониях Италии, Сицилии или Ионии. Хотя наши сведения очень неполны, мы видим достаточно, чтобы убедиться: небольшой отряд, приведённый Баттом Косноязычным, сначала сумел сблизиться с коренными ливийцами, а затем, усиленный новыми колонистами и используя власть местных вождей, подчинил их. Кирена – вместе с Баркой и Гесперидами, обеими выросшими из её корня [66] – держала под своим влиянием ливийские племена между границами Египта и внутренней частью Большого Сирта на протяжении трёх градусов долготы, обладая таким же превосходством, какое Карфаген имел над более западными ливийцами у Малого Сирта. В пределах киренейских владений и далее на запад вдоль берегов Большого Сирта ливийские племена вели кочевой образ жизни; западнее, за озером Тритонида и Малым Сиртом [67], они начинали заниматься земледелием.

Непосредственно к западу от Египта жили адримахиды, граничившие с Аписом и Мареей – пограничными египетскими городами [68]; они подчинялись египтянам и переняли некоторые детали их обрядов и религиозных обычаев, характерных для региона Нила. Западнее адримахид располагались гилигаммы, асбисты, авсхисы, кабалесы и насамоны – последние занимали юго-восточный угол Большого Сирта; далее шли маки, гинданы, лотофаги, махлии вплоть до реки и озера Тритон и Тритонида, которые, по-видимому, находились близ Малого Сирта. Эти последние племена во времена Геродота не зависели ни от Кирены, ни от Карфагена, и, вероятно, оставались независимыми в период расцвета свободной Греции (600–300 гг. до н. э.). В III веке до н. э. птолемеевские правители Кирены расширили свои владения на запад, в то время как Карфаген продвигал свои колонии и крепости на восток, так что две державы разделили между собой всё побережье между Большим и Малым Сиртом, встретившись у места, называемого Алтарями Братьев Филенов, – столь знаменитого благодаря своей легенде [69]. Но уже в VI веке до н. э. Карфаген, опасаясь распространения греческих колоний вдоль этого побережья, помог ливийским макам [стр. 36] (около 510 г. до н. э.) изгнать спартанского царевича Дориея с его поселения у реки Кинипс.

Недалеко от этого места позже была основана финикийскими или карфагенскими изгнанниками Лептис Магна [70] (ныне Лебда), которая, по-видимому, не существовала во времена Геродота. Также этот историк не упоминает мармаридов, которые в период между Скилаком и III веком н. э. выступают как главное ливийское племя к западу от Египта. Какая-то миграция или переворот после эпохи Геродота должны были выдвинуть это имя на первый план [71].

Внутренние области, простирающиеся к западу от Египта вдоль 30-й и 31-й параллелей до Большого Сирта, а затем вдоль южного берега этого залива, в значительной степени представляют собой низменную песчаную равнину, совершенно лишённую деревьев, но во многих местах обладающую водой, растительностью и плодородной почвой [72]. Однако прибрежный регион к северу от неё, образующий выступ африканского побережья от острова Платея (залив Бомба) на востоке до Гесперид (Бенгази) на западе, имеет совершенно иной харак-

тер: он покрыт горами значительной высоты, достигающими наибольшей точки близ Кирены, перемежающимися плодородными равнинами и долинами, изрезанными частыми оврагами, по которым зимние потоки устремляются в море, и никогда не испытывающими недостатка в воде. Именно это преимущество привлекает сюда каждое лето бедуинских арабов, которые стекаются к неиссякаемому источнику Аполлона и другим местам горного региона от Кирены до Гесперид, когда в глубине страны иссякают запасы воды и травы [73]. То же самое обстоятельство в древние времена должно было удерживать кочевых ливийцев в определённой зависимости от Кирены и Барки.

Кирена заняла прибрежную часть территории ливийских асбистов [74]; авсхисы занимали область к югу от Барки, выходя к морю у Гесперид, – кабалесы жили возле Тевхиры на территории Барки. Внутренние просторы эти ливийские кочевники с их стадами и складными шатрами пересекали свободно, питаясь в основном мясом и молоком [75], одеваясь в козы шкуры и отличаясь, по словам Геродота, лучшим здоровьем, чем любой другой известный ему народ. Их порода лошадей была превосходной, а их колесницы или повозки, запряжённые четвёркой, демонстрировали такие трюки, что вызывали восхищение даже у греков: именно этим лошадям князя [76] и знатные граждане Кирены и Барки часто были обязаны успехами своих колесниц на играх в Греции.

Ливийские насамоны, оставляя скот у моря, ежегодно совершали путешествие вглубь страны к оазису Аугила, чтобы собрать урожай фиников или купить их [77] – путешествие, которое бедуинские арабы из Бенгази совершают и по сей день, везя туда пшеницу и ячмень для той же цели. Каждое ливийское племя отличалось особым способом стрижки волос и некоторыми особенностями религиозных обрядов, хотя в целом все поклонялись Солнцу и Луне [78]. Но в окрестностях озера Тритонида (по-видимому, западного предела греческой морской торговли во времена Геродота, который мало что знал дальше и начинал ссылаться на карфагенские источники) греческие божества Посейдон и Афина, а также легенда о Ясоне и аргонавтах, были локализованы. Кроме того, ходили пророчества, предвещавшие, что однажды вокруг озера будет основано сто греческих городов, – и что один город на острове Фла, окружённый озером, будет заселён лакедемонянами [79]. Впрочем, это было одним из многих несбывшихся пророчеств, которые со всех сторон обманывали греков, – вероятно, в данном случае распространяемых киренскими или ферскими торговцами, считавшими это место удобным для поселения и выдававшими свои надежды за божественные предсказания.

Около 510 года до н. э. [80] некоторые из этих ферцев привели спартанского царевича Дориея, чтобы основать колонию в плодородной области Кинипса, принадлежавшей ливийским макам. Но Карфаген, заинтересованный в предотвращении расширения греческих поселений на запад, помог ливийцам изгнать его.

Ливийцы, жившие в непосредственной близости от Кирены, сильно изменились после основания этого города и составили значительную часть – первоначально, вероятно, подавляющее большинство – его населения. Не обладая той фанатичной приверженностью традициям, которую ислам привил современным арабам, они оказались восприимчивы к сочетанию приключения и соблазна, исходившего от греческих поселенцев, так что уже ко времени Геродота кабалии и асбисты [40] внутренних районов переняли киренские вкусы и обычаи. [81]

Ферайские колонисты, получившие не только согласие, но и содействие местных жителей при основании Кирены, заняли положение, подобное привилегированным спартанским гражданам, окружённым ливийскими перизками. [82] По-видимому, они брали в жёны ливиянок, отчего, как отмечает Геродот, даже в его время женщины Кирены и Барки соблюдали местные, а не эллинские религиозные обряды. [83] Даже потомки самого Батта, первого ойкиста, были полуливийцами. Геродот сообщает любопытный факт: слово «Батт» на ливийском означало «царь», из чего он справедливо заключает, что это имя изначально не было личным именем ойкиста, а было принято в Ливии сначала как титул, [84] – и лишь затем перешло к его потом-

кам как собственное имя. В течение восьми поколений правящие князья носили имена Батт и Аркесилай, чередуя ливийское и греческое, пока их род не лишился власти. Кроме того, мы встречаем правителя Барки, родственника Аркесилая Киренского, по имени Алазир – имя явно не греческое и, вероятно, ливийское. [85]

Таким образом, первые ферайские колонисты обосновались в своей укрепленной цитадели – Кирене, окруженные ливийскими перизками, до того не знавшими ни стен, ни искусств, ни, возможно, даже возделанных земель. Вероятно, эти перизки в той или иной степени оставались подчиненными и платили дань, хотя ещё полвека сохраняли собственного царя.

Этим невежественным людям ферайцы привили начала эллинизма и цивилизации, но и сами восприняли много неэллинского. Возможно, ливийское влияние перевесило бы греческое, если бы не новые переселенцы из Эллады. После сорока лет правления Батта-ойкиста (ок. 630–590 гг. до н. э.) и шестнадцати лет его сына Аркесилая (ок. 590–574 гг. до н. э.) власть перешла ко второму Батту, [86] прозванному Баттом Счастливым – в знак необычайного расцвета Кирены при нём. Киренцы при нём активно привлекали новых поселенцев со всей Греции без разбора – что было необычно для греческой колонизации, обычно отдававшей предпочтение определённым племенам или даже исключавшей прочих. Каждому новоприбывшему обещался земельный надел, а дельфийская жрица горячо поддержала стремления киренцев, провозгласив: «Кто опоздает к разделу земли – горько пожалеет!» Это обещание новых земель, как и одобрение оракула, несомненно, оглашалось на играх и собраниях греков, и множество колонистов отправилось в Кирены. Точное число не указано, но оно должно было быть огромным, если в следующем поколении киренские греки потеряли в боях с восставшими ливийцами не менее семи тысяч гоплитов – и всё же город и соседняя Барка остались сильны. Потеря семи тысяч гоплитов – случай, почти не имеющий аналогов во всей греческой истории.

Фактически, эта вторая волна переселения при Батте Счастливым (между 574–554 гг. до н. э.) стала моментом подлинного и эффективного заселения Кирены. Вероятно, тогда же был занят и укреплен порт Аполлония, впоследствии сравнявшийся по значению с самим городом, – ведь новые переселенцы прибыли морем, тогда как первые колонисты достигли Кирены сушей через Ирасу с острова Платеи. Новые колонисты были выходцами из Пелопоннеса, Крита и других островов Эгейского моря.

Чтобы обеспечить такое количество новых земельных участков, необходимо было – или же это сочли целесообразным – лишить владений многих ливийских перизков, чье положение и в других отношениях также значительно [стр. 42] ухудшилось. Ливийский царь Адикран, сам пострадавший, обратился за помощью к Априю, царю Египта, находившемуся тогда на пике своего могущества, объявив себя и свой народ египетскими подданными, подобно их соседям адримахидам. Египетский правитель, приняв предложение, отправил большое войско из представителей воинской касты, постоянно размещенных на западной границе в городе Марей, чтобы атаковать Кирены вдоль побережья. Греки из Кирены встретили их у Ирасы, и египтяне, совершенно незнакомые с греческим вооружением и тактикой, потерпели столь сокрушительное поражение, что лишь немногие вернулись домой. [87] Последствия этого разгрома в Египте, где он привёл к переходу власти от Априя к Амасису, были рассмотрены в предыдущей главе.

Разумеется, ливийские перизки были подавлены, а перераспределение земель близ Кирены среди греческих поселенцев завершилось, что значительно усилило город. Правление Батта Процветающего ознаменовало период расцвета Кирены и расширения её территориальных владений, предшествовавший годам раздоров и бедствий. Киренцы заключили тесный союз с Амасисом, царём Египта, который всячески поощрял связи с греками и даже взял в жены Ладику, женщину из рода Баттиадов в Кирене, так что ливийские перизки лишились всякой надежды на египетскую помощь против греков. [88]

Однако новые перспективы открылись для них во время правления Аркесилая II, сына Батта Процветающего (ок. 554–544 гг. до н. э.). [89] Поведение этого правителя вызвало гнев и отчуждение среди его братьев, которые подняли восстание, отделились с частью граждан и склонили многих ливийских периэков присоединиться к ним. Они основали греко-ливийский город Барку на территории ливийских авсхисов, примерно в двенадцати милях от побережья, на расстоянии около семидесяти миль к западу от Кирены по морю. Пространство между ними и даже за Баркой, вплоть до более западной греческой колонии Гесперид, во времена Скилака было оборудовано удобными гаванями для укрытия или высадки. [89] Когда именно [стр. 43] была основана Гесперида, неизвестно, но она существовала уже около 510 г. до н. э. [90] Неясно, пытался ли Аркесилай помешать основанию Барки, но он повёл киренское войско против восставших ливийцев, присоединившихся к ней. Не сумев сопротивляться, те бежали к своим восточным соплеменникам близ египетской границы, и Аркесилай преследовал их. Наконец, в области под названием Левкон беглецы получили возможность атаковать его с таким огромным преимуществом, что почти уничтожили киренское войско – семь тысяч гоплитов (как упоминалось ранее) остались лежать на поле боя. Аркесилай ненадолго пережил это поражение. Во время болезни его задушил брат Леарх, стремившийся занять трон, но Эриксо, вдова погибшего правителя, [91] отомстила, организовав убийство Леарха.

Нетрудно поверить, что авторитет царей из рода Баттиадов пошатнулся после такой череды бедствий и злодеяний. Но ещё больший удар нанесло то, что Батт III, сын и преемник Аркесилая, был хромым и имел увечья на ногах. Для киренян подчинение человеку с физическими недостатками было невыносимым унижением, а также поводом для уже существовавшего недовольства, и они решили обратиться за советом к Дельфийскому оракулу. Жрица велела им пригласить из Мантинеи посредника, уполномоченного завершать споры и предложить форму правления. Мантинейцы выбрали Демонакта, одного из мудрейших своих граждан, чтобы решить задачу, подобную той, что была поручена Солону в Афинах. По его решению царская власть Баттиадов была упразднена, и около 543 г. до н. э. установилось республиканское правление, при этом свергнутый правитель сохранил [стр. 44] земельные владения [92] и жреческие функции, принадлежавшие его предшественникам.

К сожалению, Геродот почти не сообщает подробностей о новом государственном устройстве. Демонакт разделил население Кирены на три филы: 1. Ферейцев с их ливийскими периэками; 2. Греков, прибывших из Пелопоннеса и Крита; 3. Греков с остальных островов Эгейского моря. Также, судя по всему, был создан совет, вероятно, формировавшийся из представителей всех трёх фил в равной пропорции. Вероятно, до этого не существовало конституционного деления или политических прав, кроме тех, что принадлежали ферейцам – потомкам первых колонистов, единственным, кто признавался государством. Остальные греки, хотя и были свободными землевладельцами и гоплитами, не имели полноценного участия в политической жизни и не распределялись по филам. [93] Вся власть, [стр. 45] ранее принадлежавшая Баттиадам, пусть и с неясной степенью контроля со стороны граждан ферейского происхождения, теперь перешла от царя к народу – то есть к определённым лицам или собраниям, избираемым каким-то образом из всех граждан. В Кирене, как и в Фере и Спарте, существовала коллегия эфоров и отряд из трёхсот вооружённых полицейских, [94] аналогичных спартанским «всадникам» (гиппеям). Неизвестно, были ли они учреждены Демонактом, и тождество названий должностей в разных государствах не означает тождества их полномочий. Это особенно важно в отношении киренских периэков, которые, возможно, были ближе к илотам, чем к спартанским периэкам. Тот факт, что в новой конституции периэки относились именно к ферейской филе, указывает, что последние сохранили привилегированный статус, подобно римским патрициям с их клиентами в отношении плебеев.

Есть все основания полагать, что переустройство, введённое Демонаксом, было мудрым, соответствовало общему духу греческого общества и должно было принести хорошие плоды.

Никакое внутреннее недовольство не смогло бы его разрушить без помощи внешней силы. Батт Хромой при жизни спокойно с ним смирился, но после его смерти его вдова и сын, Феретима и Аркесилай, подняли восстание, пытаясь силой вернуть царские привилегии семьи. Они потерпели поражение и были вынуждены бежать – мать на Кипр, сын на Самос, – где оба занялись сбором иностранных войск для вторжения и завоевания Кирены.

Хотя Феретима не смогла получить действенной помощи от Эвельтона, правителя Саламина на Кипре, её сын оказался удачливее на Самосе, приглашая новых греческих поселенцев в Кирены с обещанием передела земли. Большое [стр. 46] количество переселенцев присоединилось к нему на этом условии; время, по-видимому, было благоприятным, поскольку ионийские города незадолго до этого подпали под власть Персии и были недовольны ярмом. Но прежде чем повести этот многочисленный отряд против родного города, он счёл нужным испросить совета у Дельфийского оракула.

Успех в предприятии был ему обещан, но после победы ему настоятельно предписывалась умеренность и милосердие – под угрозой смерти; также было объявлено, что род Баттиадов суждено править в Кирене восемь поколений, но не более – в лице четырёх правителей по имени Батт и четырёх по имени Аркесилай. [95] «Более восьми поколений (сказала Пифия) Аполлон запрещает Баттиадам даже помышлять».

Это пророчество, несомненно, было передано Геродоту киренскими информаторами, когда он посетил их город после окончательного свержения Баттиадов, произошедшего при четвёртом Аркесилае между 460–450 гг. до н. э.; вторжение Аркесилая Третьего, шестого правителя из рода Баттиадов, к которому относилось пророчество, произошло около 530 г. до н. э. Слова, вложенные в уста жрицы, несомненно, относятся к более позднему из этих двух периодов и служат примером того, как мнимые пророчества не только создаются задним числом, но и подстраиваются под текущие нужды. Ибо явный запрет бога «даже не стремиться к правлению дольше восьми поколений Баттиадов» явно был призван удержать сторонников свергнутой династии от попыток её восстановления.

Аркесилай Третий, к которому, якобы, было обращено это пророчество, вернулся с матерью Феретимой и войском новых колонистов в Кирены. Он был достаточно силён, чтобы сокрушить всех противников: изгнать одних и схватить других, отправив их на Кипр для казни, хотя корабли были отнесены бурей к полуострову Книд, где жители спасли пленников и отправили их на Феру. Другие киренцы, враждебные Баттиадам, укрылись в высокой частной башне, принадлежавшей [стр. 47] Агломаху, где Аркесилай приказал сжечь их всех, обложив строение хворостом и подпалив его.

Но после этого триумфа и мести он осознал, что нарушил завет умеренности, данный ему оракулом, и, стремясь избежать угрозы возмездия, покинул Кирены. Во всяком случае, он отправился в Барку, к своему родственнику Алазиру, князю баркейцев, на дочери которого был женат. Однако там он встретил некоторых из беглецов, спасавшихся от него в Киренах: эти изгнанники, поддержанные несколькими баркейцами, подстерегли подходящий момент и убили его на рыночной площади вместе с князем Алазиром. [96]

Победа Аркесилая в Киренах и его убийство в Барке – несомненно, реальные события, но, похоже, они были сжаты и искажены, чтобы придать смерти киренского правителя видимость божественного возмездия. Ибо его правление не могло быть очень кратким, поскольку в этот период произошли важнейшие события. Персы под предводительством Камбиса завоевали Египет, и как киренский, так и баркейский правители отправили послов в Мемфис, чтобы выразить покорность завоевателю – предложив дары и обязавшись платить ежегодную дань. Однако подношение киренцев – пятьсот мин серебра – Камбис счёл ничтожным и тут же раздал солдатам. А к моменту смерти Аркесилая в Египте уже утвердился Арианд, персидский сатрап, сменивший Камбиса. [97]

Во время отсутствия Аркесилая в Барке его мать Феретима правила как регент, участвуя в заседаниях совета; но после его гибели, когда в Барке усилились антибаттиадские настроения, она не смогла подавить их и отправилась в Египет просить помощи у Арианда. Сатрап, убеждённый, что Аркесилай погиб из-за преданности персам, послал в Барку глшатая с требованием выдать убийц. Баркейцы взяли на себя коллективную ответственность, заявив, что он причинил им множество тяжких обид – что служит ещё одним доказательством, что его правление не было кратким. [стр. 48]

Получив этот ответ, сатрап немедленно отправил мощное персидское войско – и сухопутное, и морское – для исполнения замыслов Феретимы против Барки. Они осаждали город девять месяцев, пытаясь штурмовать, пробивать и подкапывать стены; [98] но их усилия были тщетны, и город был взят лишь благодаря вопиющему вероломству. Притворно отчаявшись, персидский полководец заключил с баркейцами договор, по которому те обязались платить дань Великому царю, а армия отступала без дальнейших враждебных действий: «Клянусь (сказал перс), и клятва моя будет нерушима, пока стоит эта земля». Но место, где приносились клятвы, было заранее подготовлено для обмана: вырытый ров прикрыли хворостом, сверху засыпав землёй. Баркейцы, доверившись клятве и обрадованные избавлению, тут же открыли ворота и ослабили охрану, а персы, разрушив подкоп и обрушив верхний слой земли (чтобы соблюсти букву клятвы), без труда захватили город.

Жалкая участь ожидала пленников, попавших в руки Феретимы. Она распяла главных противников себя и своего покойного сына вдоль стен, к которым также прикрепили отрезанные груди их жен. Затем, за исключением тех жителей, которые принадлежали к роду Баттиадов и не были причастны к убийству Аркесилая, остальных она отправила в рабство в Персию. Их увели в плен в Персидскую державу, где Дарий выделил им для поселения деревню в Бактрии, которая даже во времена Геродота сохраняла название Барки.

В ходе этой экспедиции персидская армия, по-видимому, дошла до Гесперид и подчинила многие ливийские племена. Они, наряду с Киренаикой и [стр. 49] Баркой, числятся среди данников и союзников Ксеркса во время его похода на Грецию. А когда армия возвращалась в Египет по приказу Арианда, воины были не прочь захватить саму Кирены по пути, но возможность была упущена, и замысел остался неосуществленным. [99]

Феретима отправилась с отступающей армией в Египет, где вскоре умерла от отвратительной болезни, изъеденная червями. Это, как говорит Геродот, [100] свидетельствует о том, что «чрезмерная жестокость в отмищении навлекает на людей гнев богов». Стоит вспомнить, что в жилах этой свирепой женщины ливийская кровь смешалась с греческой. Политическая вражда в собственно Греции убивает, но редко, если вообще когда-либо, калечит или проливает кровь женщин.

Таким образом, мы оставляем Кирену и Барку снова под властью царей из рода Баттиадов, хотя они и остаются данниками Персии. Еще один Батт и еще один Аркесилай должны будут смениться, прежде чем чаша этой никчемной династии иссякнет между 460–450 гг. до н. э. Я не стану сейчас отвлекать внимание читателя на этого последнего Аркесилая, который удостоился чести за две победы на колесницах в Греции и двух прекрасных од Пиндара.

Победа третьего Аркесилая и восстановление власти Баттиадов разрушили справедливый государственный строй, установленный Демонаксом. Его тройное деление на филы, должно быть, было полностью пересмотрено, хотя мы не знаем, как именно. Ведь новое число колонистов, приведенных Аркесилаем, потребовало перераспределения земель, и крайне сомнительно, сохранились ли после этого отношения между гражданами ферейского класса и периеками, установленные Демонаксом. Надо отметить этот факт, потому что некоторые авторы описывают установления Демонакса так, будто они стали постоянной конституцией Кирены. Однако они не могли пережить восстановление власти Баттиадов и даже не были возрождены после окончательного изгнания этой династии, поскольку большое число новых

граждан и значительные изменения в распределении собственности, внедренные Аркесилаем Третьим, сделали их неприменимыми к последующему государству. [стр. 50]

Глава XXVIII. ПАНЭЛЛИНСКИЕ ПРАЗДНЕСТВА – ОЛИМПИЙСКИЕ, ПИФИЙСКИЕ, НЕМЕЙСКИЕ И ИСТМИЙСКИЕ.

В предыдущих главах я был вынужден представить читателю картину, лишённую цельности и центрального эффекта, – перечислить вкратце каждый из двух или трёхсот городов, носивших эллинское имя, и изложить их рождение и раннюю историю, насколько позволяют свидетельства, – но без возможности указать на какие-либо общие для всех действия и противодействия, подвиги или страдания, процветание или несчастья, славу или позор. В значительной степени это неизбежная черта истории Греции от начала до конца, ибо единственное политическое единство, которое она когда-либо обретает, – это печальное единство подчинения всепобеждающему Риму. Ничто, кроме силы, не сотрёт в сознании свободного грека представление о его городе как об автономной и отдельной организации; деревня – это часть, но город – это единица, и притом высшая из всех политических единиц, не допускающая объединения с другими в десятки или сотни за счёт утраты своей индивидуальности. Таков характер этого народа, как на их исконной земле, так и в колониальных поселениях, – как в ранней, так и в поздней истории, – естественным образом дробящегося на множество самоуправляющихся, неделимых городов. Но что особенно отличает ранний исторический период до Писистрата и придаёт ему столь утомительную и непреодолимую разрозненность, так это то, что пока ещё не возникло причин, способных противодействовать этой политической изоляции. Каждый город, будь он прогрессивным или застойным, благоразумным или авантюрным, буйным или спокойным, следует собственной нити существования, не имея общих целей с остальными и ещё не будучи принуждён к активному взаимодействию с ними внешними силами. Точно так же и окружающие эллинский мир народы кажутся обособленными и не связанными между собой, ещё не втянутыми в какую-либо объединяющую систему.

[стр. 51] С приходом к власти Писистрата это положение дел меняется как внутри Эллады, так и за её пределами, причём первое является следствием второго: ибо в это время начинается формирование великой Персидской империи, которая поглощает в себя не только Верхнюю Азию и Малую Азию, но также Финикию, Египет, Фракию, Македонию и значительное число самих греческих городов; и общая опасность, угрожавшая крупным государствам собственно Греции со стороны этого обширного образования, заставляет их, несмотря на сильное нежелание и взаимную ревность, вступить в активный союз. Отсюда возникает новый импульс, противодействующий естественной тенденции к политической изоляции эллинских городов и в известной степени централизующий их действия в течение двух столетий после 560 г. до н. э.; и Афины, и Спарта воспользовались централизующими тенденциями, выросшими из Персидской войны. Но в период между 776 и 560 гг. до н. э. нельзя обнаружить даже зачатков такой тенденции, ни каких-либо сдерживающих сил, способных её породить. Даже Фукидид, как видно из его превосходного введения, не знал за эти два века ничего, кроме отдельных городских политик и occasionalных войн между соседями: единственным событием, по его словам, в котором участвовало значительное число греческих городов, была война между Халкидой и Эретрией, дата которой нам неизвестна. В этой войне несколько городов выступили в качестве союзников; Самос, среди прочих, на стороне Эретрии, – Милет на стороне Халкиды: [101] насколько широкими были эти союзы, у нас нет свидетельств, но вероятно, что в них не входило большое число греческих городов. Как бы то ни было, эта война между Халкидой и Эретрией была, по словам Фукидида, ближайшим, и единственным, приближением к общеэллинскому действию между Троянской и Персидской войнами. И он, и Геродот упоминают этот ранний период лишь как введение и контраст к последую-

щему, – когда панэллинский дух и тенденции, хотя никогда не становились преобладающими, всё же стали мощным элементом истории и заметно смягчили всеобщий инстинкт городской изоляции. Они мало рассказывают об этом периоде, либо потому что не могли найти достоверных [стр. 52] источников, либо потому что в нём не было ничего, что могло бы захватить воображение так же, как Персидские или Пелопоннесские войны. Чем бы ни объяснялось их молчание, оно глубоко прискорбно, ибо явления этих двух столетий (776–560 гг. до н. э.), хотя и не поддающиеся централизованному изложению, должны были представлять собой крайне поучительный материал для изучения, сохранись они. Ни в один период истории не было создано столь большого числа новых политических общностей при таком разнообразии обстоятельств, как личных, так и территориальных. И даже несколько хроник, пусть лишённых философской глубины, точно описывающих развитие некоторых из этих колоний с самого начала – со всеми трудностями, связанными с ассимиляцией чуждых туземцев и новым распределением земли, – значительно обогатили бы наши знания как о греческом характере, так и о греческом социальном укладе.

Взяв два рассматриваемых столетия, можно заметить, что среди греческих государств не только не наблюдается усиления политического единства, но даже проявляется противоположная тенденция – к разобщению и взаимному отчуждению. Однако этого нельзя сказать о других формах единства, возможных между людьми, не признающими общей политической власти, – симпатиях, основанных на общей религии, языке, вере в общее происхождение, легендах, вкусах и обычаях, интеллектуальных устремлениях, чувстве гармонии и художественного совершенства, развлечениях и т. д. Во всех этих аспектах проявления эллинского единства становятся всё более выраженными и всеобъемлющими, несмотря на усиление политической раздробленности, на протяжении того же периода. Широта общих чувств и взаимопонимания между греками, а также представление о многочисленных периодических собраниях как о неотъемлемой части существования, к 560 г. до н. э. явно усилились по сравнению с предыдущим столетием. Этому способствовало укрепление убеждения в превосходстве греков над иностранцами – убеждения, постепенно находившего всё больше оправданий по мере развития греческого искусства и интеллекта и расширения знаний о других странах, – а также множество новых достижений гениев в области музыки, поэзии, скульптуры и архитектуры, каждый из которых затрагивал струны души, общие для всех греков, а не только для его родного города. В то же время [р. 53] жизнь каждого отдельного города сохраняет свою уникальность и даже обогащается новыми событиями и внутренними интересами. Таким образом, в течение двух рассматриваемых столетий в сознании каждого грека усиливалось как чувство принадлежности к своему городу, так и общеэллинское чувство, тогда как прежнее ощущение обособленности по расовому признаку – дорийского, ионийского, эолийского – ослабевало.

В своём предыдущем томе я уже касался многогранного характера греческой религии, проникавшей во все радости и страдания, надежды и страхи, привязанности и антипатии народа – не только налагавшей ограничения и обязанности, но и защищавшей, умножавшей и разнообразившей все социальные удовольствия и украшения жизни. В каждом городе и даже каждой деревне были свои особые религиозные праздники, на которых жертвоприношения богам обычно сопровождалось публичными увеселениями разного рода – пиршествами с жертвенными животными, процессиями, пением и танцами или состязаниями в силе и ловкости. Первоначально праздник был местным, но дружба или общность происхождения проявлялась в приглашении посторонних, не жителей, разделить его радости. В случае колонии и её метрополии часто практиковалось, что граждане метрополии удостоивались почётно́го места на праздниках колонии или что одному из них предлагали первую часть жертвенного животного. [102] Взаимное посещение религиозных празднеств было, таким образом, постоянным свидетельством дружбы и братства между городами, не объединёнными политически. Нет сомнений, что в какой-то степени это существовало с самых ранних времён, хотя у Гомера

и Гесиода мы находим лишь описание погребальных игр, устраиваемых вождём за свой счёт в честь умершего отца или друга – со всеми сопутствующими развлечениями публичного праздника, причём чужестранцы не только [р. 54] присутствовали, но и соревновались за ценные призы. [103]

Переходя к исторической Греции VII века до н. э., мы находим свидетельства о двух праздниках, уже тогда весьма значительных и посещаемых греками из многих разных городов и областей, – празднике на Делосе в честь Аполлона, главном месте встречи ионийцев по всему Эгейскому морю, и Олимпийских играх. Гомеровский гимн Делосскому Аполлону, который следует отнести ко времени ранее 600 г. до н. э., с особым ударением описывает величие Делосского праздника – не имевшего себе равных во всей Греции, как видно, в течение всего первого периода этой истории, по богатству, роскоши одежд и разнообразию представлений как поэтического гения, так и телесной ловкости, [104] – вероятно, в то время не уступавшего, если не превосходившего, Олимпийские игры. Полная и непреходящая слава этого общеионийского праздника на Делосе – одна из главных примет первого периода греческой истории, до относительного упадка ионийцев в связи с возвышением Персии: он отмечался периодически каждые четыре года в честь Аполлона и Артемиды. От Олимпийских игр его отличали два обстоятельства, заслуживающих внимания: во-первых, он включал состязания не только в гимнастике, но и в музыкальном и поэтическом мастерстве, тогда как в Олимпии последние отсутствовали; во-вторых, на нём присутствовали без различия мужчины, женщины и дети, тогда как женщины формально не допускались на Олимпийские церемонии. [105] Это исключение могло отчасти объясняться внутренним положением Олимпии, менее доступной для женщин, чем остров Делос; но даже с учётом этого обстоятельства, оба различия указывают на более грубый характер этоло-дорийцев в Пелопоннесе.

Делосский праздник, сильно сократившийся в период подчинения малоазийских и островных греков Персии, был возрождён впоследствии Афинами во время их империи, когда они всеми способами стремились укрепить свою центральную власть в [р. 55] Эгейском море. Но хотя под их управлением он продолжал пышно отмечаться, он так и не вернул себе того безусловного священного статуса и массового посещения, которые, как свидетельствует гомеровский гимн Аполлону, были присущи ему в более ранний период.

Совершенно иной была судьба Олимпийского праздника – на берегах Алфея [106] в Пелопоннесе, близ древнего оракула храма Олимпийского Зевса, – который не только развивался непрерывно от скромных истоков до максимальной общегреческой значимости, но даже сохранял свои толпы посетителей и свою славу на протяжении многих веков после утраты Грецией свободы. Окончательно он был упразднен лишь после более чем одиннадцати веков существования указом христианского императора Феодосия в 394 году н. э.

Я уже рассказывал в предыдущем томе этой истории о попытке аргосского тирана Фидеона вернуть пизатам или присвоить себе управление этим праздником – событие, доказывающее важность праздника в Пелопоннесе уже в 740 году до н. э. В то время и в последующие годы он, по-видимому, посещался главным образом, если не исключительно, жителями центрального и западного Пелопоннеса – спартанцами, мессенянами, аркадянами, трифилийцами, пизатами, элейцами и ахейцами [107], – и служил важным связующим звеном между этоло-элейцами, их привилегиями как агонифетов, организующих и председательствующих на празднике, и Спартой.

Начиная с 720 года до н. э. мы находим явные свидетельства постепенного участия более далеких греков – коринфян, мегарцев, беотийцев, афинян и даже смирнцев из Азии.

Мы видим и другое доказательство растущей значимости в увеличении числа и разнообразия состязаний, предлагаемых зрителям, а также в замене материальных наград, которые первоначально вручались победителям на Олимпийских и других греческих праздниках, простым венком из оливы – почетной наградой. Скромное устройство Олимпийских игр

изначально включало лишь бег на измеренной дистанции, называемой стадионом. Непрерывный список победителей в беге тщательно велся и сохранялся элейцами, начиная с Корэба в 776 году до н. э., и с III века до н. э. использовался хронологами для установления последовательности греческих событий.

На 7-й Олимпиаде после Корэба мессенец Дайкл впервые получил за победу в беге лишь венок из священной оливы близ Олимпии [108]: честь провозглашения победителем считалась достаточной без денежного вознаграждения. Однако до 14-й Олимпиады зрители не видели других состязаний, кроме простого бега на стадионе.

Тогда впервые был введен двойной бег (диаулос) – туда и обратно по дорожке. На следующей, 15-й Олимпиаде (720 год до н. э.), добавился долгий бег (долихос) – несколько кругов по стадиону. Таким образом, существовало три вида бега: простой стадион, двойной стадион (диаулос) и долгий бег (долихос), и так продолжалось до 18-й Олимпиады, когда добавились борьба и сложный пентатлон, включавший прыжки, бег, метание диска, копья и борьбу.

Дальнейшие новшества появились на 23-й Олимпиаде (688 год до н. э.) – кулачный бой, а на 25-й (680 год до н. э.) – гонки на колесницах с четверкой взрослых лошадей. Это последнее добавление заслуживает особого внимания не только потому, что разнообразило зрелище участием лошадей, но и потому, что привлекло совершенно новый класс участников – богатых мужчин и женщин, владевших лучшими скакунами и нанимавших искуснейших возниц, не обладая при этом личным превосходством или физическими данными [109].

Огромная демонстрация богатства, которую позволяли себе владельцы колесниц, не только свидетельствовала о растущей значимости Олимпийских игр, но и сама способствовала их возвышению, усиливая интерес зрителей.

Еще два состязания добавились на 33-й Олимпиаде (648 год до н. э.) – панкратион (кулачный бой и борьба вместе) [110], где руки были без жестких кожаных перчаток [111], которые делали удары кулачных бойцов страшнее, но мешали им хватать и удерживать противника, – и скачки на одиночных лошадях.

Позже вводились и другие новшества, которые нет нужды перечислять полностью: бег гоплитов в полном вооружении со щитами, различные состязания между мальчиками (аналогичные взрослым) и между жеребятами (подобные скачкам взрослых лошадей).

На пике своей популярности Олимпийские игры длились пять дней, но до 77-й Олимпиады все состязания умещались в один день – начинаясь на рассвете и иногда заканчиваясь лишь в сумерках [112].

77-я Олимпиада последовала сразу после успешного изгнания персидских захватчиков из Греции, когда панэллинское чувство было обострено сопротивлением общему врагу. Легко представить, что это был подходящий момент для придания большей торжественности главному национальному празднику.

Таким образом, мы можем частично проследить этапы, в течение двух столетий после 776 г. до н. э., когда праздник Олимпийского Зевса в Писатиде постепенно превратился из местного в общегреческий и приобрел силу притяжения, способную временно объединить разрозненные части Эллады – от Марселя до Трапезунда. В этой важной роли он недолго оставался единственным. В течение VI века до н. э. три других праздника, изначально локальных, последовательно приобрели общегреческий статус – Пифийские игры близ Дельф, Истмийские – близ Коринфа и Немейские – близ Клеон, между Сикионом и Аргосом.

Что касается Пифийского праздника, мы находим краткое упоминание о конкретных событиях и лицах, благодаря которым произошли его реорганизация и расширение, – упоминание тем более интересное, что сами эти события являются проявлением чего-то вроде общеэллинского патриотизма, почти единственного в ту эпоху, когда действовали в основном лишь узкогородские интересы. Во время создания гомеровского гимна «Аполлону Дельфинию» (вероятно, в VII веке до н. э.) Пифийский праздник ещё не приобрел значитель-

ной известности. Богатый и священный храм Аполлона тогда был исключительно оракулом, созданным для того, чтобы сообщать благочестивым вопрошающим «советы бессмертных». Множество посетителей приходили к нему за предсказаниями, а также для жертвоприношений и приношения дорогих даров; но хотя богу нравился звук кифары, сопровождающий пение пеанов, он отнюдь не стремился поощрять скачки и гонки колесниц в окрестностях – более того, этот псалмопевец считал, что ржание лошадей было бы «помехой», питье мулов – осквернением священных источников, а демонстрация искусно построенных колесниц – предосудительной [113], поскольку отвлекала внимание зрителей от великого храма и его богатств.

[стр. 59] От таких неудобств бог был защищён расположением своего святилища «в скалистой Пифо» – неровном и труднодоступном месте небольших размеров, укрытом на южном склоне Парнаса, примерно на две тысячи футов выше уровня моря, тогда как самые высокие вершины Парнаса достигают почти восьми тысяч футов. Местоположение было чрезвычайно впечатляющим, но по природе своей непригодным для скопления значительного числа зрителей – совершенно неподходящим для гонок колесниц – и стало пригодным лишь благодаря позднейшему искусству и затратам на театр и стадион; первоначальный стадион, когда его впервые устроили, находился на равнине внизу. Оно давало мало средств к существованию, но жертвы и дары посетителей позволяли служителям храма жить в достатке [114] и постепенно собирали вокруг него поселение.

Близ святилища Пифо, на той же высоте, располагался древний фокидский город Крисса, на выступе Парнаса – нависающий сверху линией скальных утёсов, называемых Федриады, и сам нависающий над глубоким ущельем, по которому течёт река Плейст. По другую сторону этой реки поднимается крутая гора Кирфис, выступающая на юг в Коринфский залив, – река достигает этого залива через обширную Криссейскую (или Киррейскую) равнину, которая простирается на запад почти до локрийского города Амфиссы; равнина в основном плодородная, хотя менее всего в [стр. 60] восточной части, непосредственно под Кирфисом, где располагался портовый город Кирра [115].

Храм, оракул и богатства Пифо относятся к самым ранним периодам греческой древности; но восьмилетнее празднество в честь бога включало поначалу лишь состязание певцов, исполнявших под кифару пеаны. Как уже упоминалось в предыдущем томе, амфиктиония проводила одно из своих полугодовых собраний близ храма Пифо, а другое – у Фермопил.

В те ранние времена, когда был составлен гомеровский гимн Аполлону, город Крисса, по-видимому, был велик и могуществен, владея всей обширной равниной между Парнасом, Кирфисом и заливом, которому он дал своё имя, – а также, что было не менее ценно, соседним святилищем самой Пифо, которое гимн отождествляет с Криссой, не указывая Дельфы как отдельное место. Криссейцы, несомненно, извлекали большую выгоду от множества посетителей, прибывавших в Дельфы как по суше, так и по морю, и Кирра изначально была лишь названием их порта. Однако постепенно порт, по-видимому, рос в значении за счёт города, подобно тому как Аполлония и Птолемаис сравнивались с Киренами и Баркой, а Плимут-Док разросся в Девонпорт; в то же время святилище Пифо с его администраторами разрослось в город Дельфы и стало претендовать на самостоятельное существование.

Первоначальные отношения между Криссой, Киррой и Дельфами в итоге изменились: первая пришла в упадок, а две последние возвысились. Криссейцы лишились управления храмом, которое перешло к дельфийцам, а также доходов от посетителей, чьи траты обогащали жителей Кирры. Крисса была древним городом фокидского имени и могла похвастаться местом в «Гомеровском каталоге», так что её утрата влияния вряд ли могла быть воспринята спокойно.

Более того, помимо указанных обстоятельств, уже самих по себе достаточных для возникновения конфликта, нам сообщают, что киррейцы злоупотребляли своим положением хозяев морского пути к храму, взимая непомерные поборы с посетителей, высаживавшихся

там, – число которых постоянно росло из-за умножения заморских колоний и процветания поселений в Италии и Сицилии. Помимо этого оскорбления общегреческой публики, они нажили себе врагов среди фокидских соседей из-за насилия над женщинами – как фокидянками, так и аргиевками, возвращавшимися из храма [116].

Вот как обстояли дела, по-видимому, около 595 г. до н. э., когда Амфикимония вмешалась – либо по наущению [стр. 62] фокейцев, либо, возможно, по собственному побуждению, из уважения к храму – чтобы наказать киррейцев. После десятилетней войны, первой Священной войны в Греции, эта цель была полностью достигнута объединенными силами фессалийцев под предводительством Еврилоха, сикионцев во главе с Клисфеном и афинян под командованием Алкмеона; причем афинянин Солон был тем, кто выдвинул и настоял на предложении о вмешательстве в Амфикиционный совет. Кирра, судя по всему, оказывала упорное сопротивление, пока её морские поставки не были перерезаны флотом сикионца Клисфена; и даже после взятия города его жители некоторое время оборонялись на высотах Кирфиса. [117] В конце концов, однако, они были полностью покорены. Их город был разрушен или оставлен лишь как место высадки; а вся прилегающая равнина была посвящена дельфийскому богу, чьи владения теперь простирались до моря. По этому приговору, вынесенному религиозным чувством Греции и освященному торжественной клятвой, публично произнесенной и записанной в Дельфах, земля была обречена оставаться неводеланной и незасаженной, без какого-либо человеческого ухода, служа лишь пастбищем для скота. Последнее обстоятельство было удобно для храма, так как обеспечивало обилие жертв для паломников, высаживавшихся и приходивших для жертвоприношений, – ведь без предварительной жертвы никто не мог обратиться к оракулу; [118] тогда как полный запрет на земледелие был единственным способом предотвратить появление нового беспокойного соседа на побережье. Судьба Кирры в этой войне известна; судьба Криссы менее ясна, и мы не знаем, была ли она разрушена или оставлена в подчиненном положении по отношению к Дельфам. Однако с этого времени дельфийская община выступает как самостоятельная и автономная, самостоятельно управляя храмом; хотя мы увидим, что не раз фокейцы оспаривали это право и предъявляли [стр. 63] претензии на управление им, [119] – пережиток того раннего периода, когда оракул находился на земле фокейской Криссы. Кроме того, между дельфийцами и фокейцами, по-видимому, существовала постоянная вражда.

Упомянутая Священная война, исходившая из торжественного постановления Амфикимонии, ведшаяся совместно войсками различных государств, которые, насколько известно, никогда прежде не сотрудничали, и направленная исключительно на достижение общей цели, сама по себе является фактом огромной важности, свидетельствующим о явном росте общегреческого чувства. Спарта не упоминается среди участников – обстоятельство, которое кажется удивительным, если учесть как её мощь, даже в то время, так и её тесную связь с дельфийским оракулом, – тогда как афиняне выступают как главные инициаторы через своих величайших и достойнейших граждан: слава широкой патриотической мысли принадлежит им в первую очередь.

Но если сама эта Священная война является доказательством усиления общегреческого духа, то её положительный итог ещё более укрепил этот дух. Добыча, взятая в Кирре, была использована победившими союзниками для учреждения Пифийских игр. До этого проводившийся в Дельфах восьмилетний праздник в честь бога, включавший лишь состязания в игре на кифаре и пении пеана, был расширен до всеобъемлющих игр по образцу Олимпийских, с соревнованиями не только в музыке, но и в гимнастике и гонках колесниц, – проводившихся не в самих Дельфах, а на приморской равнине близ разрушенной Кирры, – и под непосредственным надзором самих Амфикиониюв. Я уже упоминал, что Солон установил значительные награды для афинян, побеждавших на Олимпийских и Истмийских играх, тем самым показывая, как высоко он ценил общегреческие игры как средство укрепления связей между элли-

нами. То же самое чувство побудило учредить новые игры на Киррейской равнине в честь восстановленной чести Аполлона и на земле, недавно переданной ему. Они проводились во второй половине лета или первой половине каждого третьего Олимпийского года, – причем Амфиктионы были номинальными агонифетами, или распорядителями, и назначали лиц для исполнения [стр. 64] обязанностей от их имени. [120] На первых Пифийских играх (в 586 г. до н. э.) победителям вручались ценные награды; на вторых (582 г. до н. э.) вручались лишь лавровые венки – стремительно возросшая слава игр сделала дальнейшие награды излишними. Сикионский тиран Клисфен, один из предводителей в завоевании Кирры, сам одержал победу в гонке колесниц на вторых Пифийских играх. Мы встречаем упоминания о других великих деятелях Греции как участниках состязаний, и игры долгое время сохраняли достоинство, уступавшее лишь Олимпийским, а в некоторых отношениях даже превосходившее их: во-первых, они не использовались для разжигания мелкой вражды и соперничества со стороны управляющего государства, как Олимпийские игры не раз извращались элейцами; во-вторых, они включали музыку и поэзию наряду с физическими состязаниями. Благодаря обстоятельствам своего основания Пифийские игры заслужили – даже больше, чем Олимпийские – титул, данный им Демосфеном: «Общий Агон эллинов». [121]

[стр. 65] Олимпийские и Пифийские игры всегда оставались самыми почитаемыми торжествами в Греции, однако Немейские и Истмийские игры приобрели славу, немногим уступающую им, при этом олимпийская награда считалась высшей из всех. [122]

И Немейские, и Истмийские игры отличались от двух других тем, что проводились не раз в четыре года, а раз в два года: первые – во второй и четвертый годы каждой Олимпиады, вторые – в первый и третий. Оба праздника, согласно греческому обычаю, связывались в своем происхождении с выдающимися личностями и событиями греческой древности, но наши исторические сведения о них начинаются лишь с VI века до н. э. Первые исторические Немейские игры относятся к 52-й или 53-й Олимпиаде (572–568 гг. до н. э.), спустя несколько лет после упомянутой Священной войны и возникновения Пифийских игр. Праздник проводился в честь Немейского Зевса в долине Немей, между Флиунтом и Клеонами, и первоначально организовывался самими клеонейцами, пока после 460 г. до н. э. аргосцы не лишили их этой чести и не взяли управление на себя. [123]

Как и Олимпийские, Немейские игры имели своих элланодиков, [124] которые наблюдали за порядком и распределяли награды. Что касается Истмийских игр, первые исторические сведения о них относятся к несколько более раннему времени, поскольку уже упоминалось, [стр. 66] что Солон установил награду для каждого афинского гражданина, победившего на этих играх, как и на Олимпийских, – в 594 г. до н. э. или позже. Их проводили коринфяне на своем перешейке в честь Посейдона, и если судить по легендам об их основании, которое иногда приписывается Тесею, афиняне, по-видимому, связывали их с древностями своего собственного государства. [125]

[стр. 67] Таким образом, мы видим, что период между 600 и 560 гг. до н. э. знаменуется первым историческим проявлением Пифийских, Истмийских и Немейских игр – превращением всех трех из местных в общегреческие праздники. К Олимпийским играм, долгое время бывшим единственным великим центром единения для всех разрозненных греков, теперь добавились три других священных агона, столь же публичных, открытых и общегреческих. Они служили видимыми символами, а также объединяющими узами эллинского мира и гарантировали каждому греку, отправлявшемуся на состязания, безопасный и нерушимый проход даже через враждебные эллинские государства. [126]

Эти четыре праздника, все проходившие в Пелопоннесе или рядом с ним, причем один из них – каждый год, образовывали цикл священных игр, и те, кто побеждал во всех четырех, удостоивались завидного звания периодоника. [127] Уже в VI веке до н. э. почести, оказываемые олимпийским победителям по возвращении в родной город, были чрезвычайными,

а впоследствии стали еще более пышными. Можно отметить, что лишь в Олимпийских играх, старейших и самых прославленных из четырех, отсутствовал музыкально-интеллектуальный элемент: все три более поздних агона включали венки за музыкальные и поэтические состязания наряду с гимнастикой, колесницами и скачками.

Усиление общеэллинского самосознания в этот ранний период нашей истории проявлялось не только в особом национальном характере этих четырех великих праздников. В соответствии с теми же тенденциями религиозные праздники во всех значительных городах постепенно становились все более открытыми и доступными, привлекая гостей и [стр. 68] участников из-за границы, причем престиж государства и почести, воздаваемые богу-покровителю, измерялись числом посетителей, их восхищением и завистью. [128]

Прямых свидетельств такого расширения в отношении афинских праздников ранее правления Писистрата нет: именно он впервые добавил Великие Панафинеи, проводившиеся раз в четыре года, к древним Малым Панафинеям, отмечавшимся ежегодно. Мы также не можем проследить этапы развития праздников в Фивах, Орхомене, Феспиях, Мегаре, Сикионе, Пеллене, Эгине, Аргосе и других городах, но есть все основания полагать, что подобная тенденция была общей. Среди олимпийских и истмийских победителей, воспетых Пиндаром и Симонидом, многие стяжали часть своей славы благодаря предыдущим победам на местных состязаниях, [129] – иногда столь многочисленным, что это свидетельствует о широком распространении взаимного посещения праздников. [130] Хотя даже в III веке до н. э. встречаются договоры между городами, где это право специально оговаривается.

Выдающихся гимнастических и музыкальных участников привлекали ценные призы, а Тимей даже утверждал, будто чрезмерная гордость Кротона и Сибариса проявилась в том, что эти города попытались затмить превосходство Олимпийских игр, учредив собственные состязания с самыми богатыми наградами, проводившиеся в то же время. [131] Это утверждение само по себе недостоверно, но иллюстрирует острое соперничество, существовавшее между греческими городами в стремлении сделать свои игры более пышными и многолюдными.

Во времена создания гомеровского гимна Деметре ее культ, по-видимому, был сугубо локальным в Элевсине, но уже перед Персидской войной ежегодный праздник, проводимый афинянами в честь элевсинской Деметры, допускал к посвящению греков из всех городов и привлекал огромные толпы паломников. [132]

Таким образом, простота и строго локальный характер первоначальных религиозных празднеств в крупнейших государствах Греции постепенно расширялась, превращаясь в определённые периодически повторяющиеся великие события в тщательно продуманную и регламентированную серию представлений – не просто допускавших, но и приглашавших братское присутствие всех эллинских зрителей. В этом отношении Спарта, кажется, составляла исключение среди остальных государств: её праздники были только для неё самой, и её обычная грубость по отношению к другим грекам не смягчалась даже во время Карней [133], Гиакинфий или Гимнопедий. С другой стороны, Аттические Дионисии постепенно возвысились от первоначального грубого, спонтанного проявления деревенского [стр. 70] чувства благодарности богу, сопровождавшегося песнями, танцами и разного рода весельем, – до дорогостоящих и разнообразных представлений, сначала с обученным хором, затем с добавлением актёров [134]; и драматические произведения, созданные таким образом, воплощая в себе совершенство греческого искусства, были особенно призваны привлекать общеэллинскую аудиторию и укреплять чувство эллинского единства.

Однако драматическая литература Афин относится к более позднему периоду; до 560 года до н. э. мы видим лишь те начальные нововведения, которые навлекли на Феспида [135] упрёк Солона, сам же Солон способствовал приданию Панафинеиному празднику более торжественного и привлекательного характера, ограничив произвол рапсодов и обеспечив полное и упорядоченное исполнение «Илиады» перед собравшимися.

Священные игры и празднества, упомянутые здесь как особая категория, захватывали греческий ум таким разнообразием чувств [136], что в значительной степени уравнивали политическую разобщённость и поддерживали среди разбросанных городов, несмотря на постоянную ревность и частые распри, ощущение братства и родства душ, которое в ином случае угасло бы. Теоры, или священные послы, прибывавшие в Олимпию и Дельфы из множества разных мест, приносили жертвы одному и тому же богу у одного и того же алтаря, наблюдали одни и те же состязания и своими дарами способствовали украшению и обогащению общего почитаемого места. Не следует забывать и того, что празднество давало возможность проведения своего рода [стр. 71] ярмарки, включавшей оживлённую торговлю среди огромного числа зрителей [137]; помимо самих игр, в просторном зале совета для желающих проводились чтения и лекции поэтов, рапсодов, философов и историков – среди последних, говорят, Геродот публично читал свою «Историю» [138].

Среди богатых и знатных людей из разных городов многие состязались исключительно за победы в гонках колесниц и скачках. Но были и другие, чьи амбиции носили более личный характер, – они выступали обнажёнными в беге, борьбе, кулачном бою или панкратионе, пройдя перед этим изнурительную подготовку. Килон, чья неудачная попытка захватить власть в Афинах уже упоминалась, одержал победу в олимпийском стадионе; Александр, сын Аминты, македонский правитель, также участвовал в беге [139]. Великое семейство Диагоридов на Родосе, [стр. 72] давшее своему городу магистратов и полководцев, выставило ещё большее число победителей в кулачном бою и панкратионе в Олимпии; известны и другие случаи, когда города назначали военачальниками победителей Олимпийских игр в гимнастических состязаниях. Одеты Пиндара, всегда дорого ценившиеся, свидетельствуют о том, сколь многие знатные и богатые люди фигурировали в этих списках [140].

Полная открытость и равенство всех на этих великих играх – черта не менее примечательная, чем строгое следование установленным правилам и добровольное подчинение огромной толпы горстке служителей с палками [141], исполнявших приказы элейских гелландиков. Место проведения церемонии и даже территория государства-организатора находились под защитой «Божьего перемирия» на протяжении месяца празднества, начало которого торжественно объявлялось герольдами, разосланными по разным государствам. Мирные договоры между городами часто официально увековечивались установленными здесь стелами, и общее впечатление от зрелища вызывало лишь мысли о мире и братстве среди греков [142].

И я могу [стр. 73] отметить, что восприятие игр как принадлежащих всем грекам и только грекам было сильнее и отчётливее в период между 600 и 300 годами до н. э., чем впоследствии. Ибо македонские завоевания размыли и исказили эллинизм, распространив внешний лоск эллинских вкусов и обычаев на обширные территории чуждых народов, неспособных к подлинному возвышению эллинского духа; так что, хотя в более поздние времена игры сохранили свою привлекательность и количество посетителей, дух общеэллинского единства, некогда одушевлявший это зрелище, исчез навсегда.

Глава XXIX. ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ. – СЕМЬ МУДРЕЦОВ.

Период между 776–560 гг. до н. э. демонстрирует замечательное развитие греческого гения в создании элегической, ямбической, лирической, хоровой и гномической поэзии, которая была разнообразна во многих отношениях и усовершенствована множеством отдельных мастеров. Создатели всех этих стилей – от Каллина и Архилоха до Стесихора – относятся к двум векам, охваченным здесь, хотя Пиндар и Симонид, «гордые и высокомерные барды» [143], которые довели лирическую и хоровую поэзию до максимальной степени сложности, совместимой с полным поэтическим эффектом, жили в следующем столетии и были современниками трагика Эсхила. Греческая драма, как комедийная, так и трагическая, V века до н. э. соединяла лирическую и хоровую песнь [стр. 74] с живым действием ямбического диалога, образуя тем самым последний восходящий этап в поэтическом гении народа. Оставляя это для будущего времени и для истории Афин, к которым оно относится в большей степени, я сейчас намерен говорить только о поэтическом движении двух предыдущих столетий, в котором Афины не принимали или почти не принимали участия. К сожалению, от этих ранних поэтов сохранилось так мало, что мы можем предложить лишь заимствованные из вторых рук критические замечания и несколько общих соображений об их воздействии и направленности [144].

Архилох и Каллин оба, по-видимому, жили около середины VII века до н. э., и с них начинаются нововведения в греческой поэзии. До них, как нам известно, существовала только эпическая поэзия, или дактилический гекзаметр, о котором много говорилось в моем предыдущем томе, – то есть легендарные истории или приключения, изложенные в повествовательной форме, а также обращения или гимны к богам. Мы должны помнить также, что это была не только вся поэзия, но и вся литература той эпохи: прозаические сочинения были совершенно неизвестны, а письменность, если и начала применяться как вспомогательное средство для немногих выдающихся людей, во всяком случае, в целом не использовалась и не находила читающей публики. Голос был единственным передатчиком, а слух – единственным приемником всех тех идей и чувств, которые творческие умы в обществе ощущали потребность изливать; и голос, и слух привыкли к музыкальному речитативу, или напеву, представлявшему собой нечто среднее между песней и речью, с простым ритмом и еще более простым случайным аккомпанементом на примитивной четырехструнной лире. Такие привычки и требования голоса и слуха в то время неразрывно связывались с успехом и популярностью поэта и, без сомнения, способствовали ограничению круга тем, с которыми он мог работать. [стр. 75] Этот тип был в определенной степени освящен, подобно примитивным статуям богов, от которых люди отходили лишь постепенными и почти незаметными нововведениями. Более того, в первой половине VII века до н. э. того гения, который некогда создал «Илиаду» и «Одиссею», уже не существовало, и работа над гекзаметрическим повествованием перешла к менее одаренным лицам – к тем киклическим поэтам, о которых я говорил в предыдущих томах.

Таково, насколько мы можем судить по весьма неопределенным свидетельствам, было состояние греческого ума непосредственно перед появлением элегических и лирических поэтов; в то же время его опыт расширялся благодаря основанию новых колоний, а общение между различными государствами усиливалось благодаря более свободному взаимодействию на религиозных играх и празднествах. Возникла потребность обратить литературу эпохи – я употребляю это слово как синоним поэзии – к новым чувствам и целям и применить богатый, пластичный и музыкальный язык старого эпоса к современным страстям и обстоятельствам, как социальным, так и индивидуальным. Такая тенденция стала очевидной уже у Гесиода, даже

в рамках гексаметра; но те же причины, которые привели к расширению тем поэзии, побудили людей варьировать и метр.

Что касается последнего пункта, есть основания полагать, что непосредственной определяющей причиной стало развитие греческой музыки; ибо уже было сказано, что музыкальный строй и инструменты греков, изначально очень ограниченные, значительно расширились благодаря заимствованиям из Фригии и Лидии, и эти приобретения, по-видимому, впервые реализовались около начала VII века до н. э. благодаря лесбосскому кифареду Терпандру, фригийскому (или греко-фригийскому) авлету Олимпу и аркадскому или беотийскому авлету Клону. Терпандр совершил важный шаг, заменив изначальную четырехструнную лиру семи-струнной, охватывающей диапазон одной октавы или двух греческих тетрахордов, а Олимп и Клон научили многим новым номам, или мелодиям, на флейте, ранее неизвестным грекам, – вероятно, также использованию флейты с более разнообразным музыкальным диапазоном. Говорят, что Терпандр одержал победу на первом зафиксированном праздновании спартанского Карнейского фестиваля в 676 [стр. 76] г. до н. э.: это один из наиболее точно установленных моментов в неясной хронологии VII века; и есть основания относить Олимпа и Клона примерно к тому же периоду, немного раньше Архилоха и Каллина [145]. Терпандру, Олимпу и Клону приписывается создание первых музыкальных номов, известных позднейшим любознательным грекам: первому – номов для лиры, двум последним – для флейты, причем каждый ном представлял собой общую схему или основу, в рамках определенных границ которой исполняемые мелодии были вариациями [146]. Терпандр использовал свои расширенные инструментальные возможности как новое сопровождение к гомеровским поэмам, а также к собственным эпическим прологам или гимнам богам. Однако он, по-видимому, не отошел от гексаметра и дактилического ритма, к которым новое сопровождение, вероятно, не совсем подходило; и таким образом могла возникнуть идея комбинировать слова также по новым ритмическим и метрическим законам.

Бесспорно, по крайней мере, что эпоха (670–600), непосредственно следующая за Терпандром, – включающая Архилоха, Каллина, Тиртея и Алкмана, чьи хронологические соотношения мы не можем точно определить, [147] хотя Алкман, по-видимому, был самым поздним, – демонстрирует замечательное разнообразие как новых метров, так и новых ритмов, наложившихся на прежний дактилический гексаметр. Первый отход от последнего обнаруживается в элегическом стихе, использовавшемся, кажется, в той или иной степени всеми четырьмя упомянутыми поэтами, но в основном первыми двумя и даже приписываемом некоторыми изобретению Каллина. Тиртей в своих военных маршевых песнях применял анапестический метр, но у Архилоха, как и у Алкмана, мы находим следы гораздо более широкого метрического разнообразия – ямбического, трохеического, анапестического, ионического и т. д., – иногда даже асинтетических или составных метров, анапестических или дактилических, смешанных с трохеическими или ямбическими. То, что осталось от Мимнерма, который появляется ближе к концу деятельности предыдущих четырех, – элегическое; его современники Алкей и Сапфо, помимо использования большинства уже существовавших метров, изобрели каждый свою особую строфу, известную под названием, производным от их имён. У Солона, младшего современника Мимнерма, мы находим элегический, ямбический и трохеический стихи; у Феогнида, ещё более позднего, – только элегический. Но и Арион, и Стесихор, по-видимому, были новаторами в этой области: первый – благодаря усовершенствованию дифирамбического хора, или круговой песни и танца в честь Диониса, второй – благодаря своим более сложным хоровым композициям, содержащим не только строфу и антистрофу, но и третью часть, или эпод, следующий за ними, исполняемый хором, стоящим на месте. И Анакреонт, и Ивик также добавили к существующему разнообразию метрических форм. И таким образом мы видим, что в течение полутора веков после Терпандра греческая поэзия (или греческая

литература, которая в то время была тем же самым) значительно обогатилась по содержанию и разнообразилась по форме.

До некоторой степени между этими двумя аспектами, по-видимому, существовала реальная связь: новые формы были необходимы для выражения новых потребностей и чувств, – хотя утверждение, что элегический метр особенно подходит для одного типа чувств, [148] трохейческий – для второго, [стр. 79] а ямбический – для третьего, если оно вообще верно, может быть принято лишь с множеством исключений, учитывая, что многие поэты использовали их для совершенно разных тем – весёлых или меланхоличных, гневных или жалобных, серьёзных или игривых, – по-видимому, без особого разбора.

Но принятие какого-то нового метра, отличного от бесконечной череды гекзаметров, требовалось, когда поэт желал сделать нечто большее, чем просто пересказать длинную историю или фрагмент героического предания, – когда он стремился представить себя, своих друзей, своих врагов, свой город, свои надежды и страхи относительно недавних или грядущих событий перед слушателем, причём кратко и живо. Греческий гекзаметр, подобно нашему белому стиху, имеет все свои ограничивающие условия, относящиеся к каждой отдельной строке, и не предлагает слушателю заранее определённой точки отдыха или естественной паузы далее. [149] В отношении любого длинного произведения, будь то эпос или драма, такая неограниченная свобода оказывается удобной, и ситуация была схожей для греческого эпоса и драмы – однострочный ямбический триметр обычно использовался для диалога в трагедии и комедии, так же как дактилический гекзаметр – для эпоса. Метрические изменения, введённые Архилохом и его современниками, можно сравнить с переходом от белого стиха к рифмованному двустипию и катренам: стих складывался в небольшие системы из двух, трёх или четырёх строк с паузой в конце каждой; и эта остановка, обеспеченная для слуха, а также ожидаемая и ценимая им, обычно совпадала с завершением, полным или частичным, [стр. 80] в смысле, который, таким образом, распределялся с большей выразительностью и эффектом. Элегический стих, или обычный гекзаметр и пентаметр (причём вторая строка представляет собой гекзаметр с опущенными третьим и шестым тезисом, [150] или последней половиной третьей и шестой стопы, и паузой на их месте), а также эпод (ямбический триметр, за которым следует ямбический диметр) и некоторые другие бинарные сочетания стихов, которые мы находим среди фрагментов Архилоха, задуманы с целью усиления эффекта как для слуха, так и для ума, не в меньшей степени, чем для прямого удовольствия от новизны и разнообразия.

Ямбический метр, основанный на примитивном ямбе, или грубой и непристойной насмешке, [151] составлявшей часть некоторых греческих [стр. 81] празднеств (особенно празднеств Деметры как в Аттике, так и на Паросе, родине поэта), – лишь один из многих новых путей, проложенных его изобретательным гением; его изобилие поражает, если учесть, что он начинается с немногого большего, чем простой гекзаметр, [152] в котором, кстати, тоже был выдающимся мастером, – ведь даже в отношении элегического стиха он с такой же вероятностью мог быть его изобретателем, как и Каллин, подобно тому как он был первым популярным и успешным автором застольных песен, или сколий, хотя Терпандр, возможно, создал нечто подобное до него. Полная утрата его стихов, за исключением нескольких фрагментов, позволяет нам распознать лишь одну характерную черту – глубокую личностность, пронизывающую их, а также ту грубую, прямую и откровенную свободу, которая позже придавала такую страшную силу старой комедии в Афинах. Говорят, что его сатиры довели Ликамба, отца Необулы, до самоубийства: последняя была обещана Архилоху в жёны, но обещание было нарушено, и поэт обрушился на отца и дочь со всевозможной клеветой. [153] Помимо этого разочарования, он был беден, сыном матери-рабыни и изгнанником из своей страны, Пароса, в неблагоприятную колонию Фасос. Отрывочные сведения о нём рисуют состояние страдания, сочетающегося с распущенностью, которое выливалось то в жалобы, то в клеветнические нападки; и в конце концов он был убит теми, кого его муза таким образом разгневала. Его необычайный

поэтический гений встречает лишь единодушные похвалы в античности. Его победная песнь Гера [стр. 82] клу всё ещё популярно пелась победителями на Олимпийских играх почти два века спустя после его смерти, во времена Пиндара; но этот величественный и любезный поэт одновременно осуждает злобность и подтверждает возмездное страдание великого паросского ямбиста. [154]

Среди множества направлений, в которых Архилох проявил свой гений, нравоучительная, или гномическая, поэзия не отсутствует, в то время как его современник Симонид Аморгский посвящает ямбический метр преимущественно этой цели, впоследствии развитой Солоном и Феогнидом. Но Каллин, первый прославленный элегический поэт, насколько мы можем судить по его немногим фрагментам, использовал элегический метр для военно-патриотических призывов; а более обширные сохранившиеся произведения Тиртея – это проповеди в том же духе, внушающие спартамцам храбрость перед врагом, а также единодушные и повиновение законам дома. Это патриотические излияния, вызванные обстоятельствами времени и исполняемые сольным голосом под аккомпанемент флейты, [155] для тех, в чьих сердцах нужно было разжечь пламя мужества. Ибо хотя то, что мы читаем, изложено стихами, мы всё ещё находимся в потоке реальной и современной жизни, и нам следует представить себя скорее слушающими оратора, обращающегося к гражданам, когда опасность или раздор действительно нависают. Лишь в творчестве Мимнерма элегический стих начинает посвящаться нежным и любовным темам. Его немногочисленные фрагменты представляют собой поток пассивных и нежных чувств, иллюстрированных подходящими легендарными сюжетами, такими, какие во все времена ложились в основу поэзии, и совершенно отличных от риторики Каллина и Тиртея.

Поэтическое творчество Алкмана существенно отличается от творчества всех упомянутых выше его современников. Их произведения, помимо гимнов богам, в основном представляли собой выражения чувств, предназначенные для исполнения отдельными лицами, хотя иногда и подходили для кома – группы праздничных добровольцев, собиравшихся по какому-либо общему поводу. Сочинения же Алкмана были преимущественно хоровыми, предназначенными для пения и сопровождающего танца [стр. 83] хора. Он был уроженцем Сард в Лидии, или, по крайней мере, его семья происходила оттуда; и, судя по всему, он прибыл в Спарту в юном возрасте, хотя его гений и мастерское владение греческим языком опровергают историю о том, что он был привезен в Спарту как раб.

Древнейшая музыкальная традиция Спарты, обычно приписываемая Терпандру [156], претерпела значительные изменения не только под влиянием элегических и анапестических размеров Тиртея, но также благодаря критянину Фалету и лидийцу Алкману. Лира, инструмент Терпандра, была потеснена, а частично и вытеснена флейтой или авлосом, который недавно стал более выразительным в руках Олимпа, Клонаса и Полимнеста и постепенно стал излюбленным инструментом для произведений, призванных вызывать сильные эмоции. Он использовался как аккомпанемент и к элегиям Тиртея, и к гипорхемам (песням или гимнам в сочетании с танцем) Фалета, а также как стимулятор и регулятор спартанского военного марша [157].

Эти элегии (как уже отмечалось) исполнялись одним человеком перед собравшимися слушателями, и, несомненно, существовали и другие произведения, предназначенные для сольного исполнения. Однако в целом музыка и поэзия в Спарте имели иной характер: всё, что там происходило – и серьёзное, и развлекательное, – было публичным и коллективным, благодаря чему хор и его выступления получили необычайное развитие. Уже упоминалось, что хор, сочетавший пение и танец, обычно составлял важную часть богослужения по всей Греции и изначально представлял собой публичное проявление граждан [стр. 84] в целом – значительная их часть активно участвовала в нём [158] и получала соответствующую подготовку как часть обычного образования. При таких условиях ни песня, ни танец не могли быть чем-то иным, кроме предельно простых.

Однако со временем исполнение на главных празднествах становилось более сложным и переходило в руки специально и профессионально обученных исполнителей, в то время как большинство граждан постепенно переставали принимать активное участие, оставаясь лишь зрителями. Такая практика сложилась в большинстве регионов Греции, особенно в Афинах, где драматический хор достиг наивысшего совершенства. Однако драма так и не проникла в Спарту, а особенности спартанского образа жизни способствовали сохранению народного хора в его изначальном виде. Фактически он стал одним из элементов той непрерывной муштры, которой спартанцы подвергались с детства, и служил цели, аналогичной военной подготовке, приучая их к синхронным и упорядоченным движениям – настолько, что сравнение хора, особенно в его пиррических (военных) танцах, с военной энмотией (подразделением) часто подчеркивалось [159].

Во время исполнения торжественного пеана в честь Аполлона на празднике Гиакинфий царь Агесилай подчинялся распоряжениям хормейстера и пел на отведённом ему месте [160], в то время как все спартанцы без исключения – старшие [стр. 85], среднего возраста и молодёжь, замужние женщины и девушки – распределялись по различным хоровым группам [161] и обучались гармонии как голоса, так и движений, что публично демонстрировалось на празднествах Гимнопедий.

Слово «танец» следует понимать в более широком смысле, чем сейчас: оно включало в себя всё разнообразие ритмичных, акцентированных, согласованных движений, жестов или поз тела – от самых медленных до самых быстрых [162]; особое внимание уделялось хирономии – изящной и выразительной работе рук.

Таким образом, мы видим, что как в Спарте, так и на Крите (который в отношении публичности частной жизни наиболее приближался к Спарте), хоровые способности и проявления занимали больше места, чем в любом другом греческом городе. И поскольку для удовлетворения этой потребности требовалась определенная степень музыкального и ритмического разнообразия, [163] а музыка никогда не преподавалась спартанским гражданам индивидуально, – мы также понимаем, почему такие чужеземцы, как Терпандр, Полимнест, Фалет, Тиртей, Алкман и др., не только были приняты в Спарте, но и приобрели там большое влияние, несмотря на преобладающий дух ревнивой замкнутости в спартанском характере. Все эти мастера, по видимому, преуспели в своем особом призвании – обучении хора, – привнося в него новое ритмическое действие и сочиняя для него новую музыку. Но Алкман делал это и нечто большее; он обладал гением поэта, и его сочинения впоследствии [стр. 86] читались с удовольствием теми, кто не мог услышать их в пении или увидеть в танце. В немногих сохранившихся фрагментах его стихов мы узнаем то разнообразие ритма и метра, которое прославило его. В этом отношении он (вместе с критянином Фалетом, который, как говорят, ввел в Спарте более энергичный стиль как музыки, так и танца, с кретическим и пеоническим ритмами [164]) превзошел Архилоха и проложил путь сложным хоровым движениям Стесихора и Пиндара: некоторые фрагменты также демонстрируют то свежее излияние личных чувств и эмоций, которое составляет столь значительную часть очарования народной поэзии. Помимо его трогательного обращения в старости к спартанским девам, над песнями и танцами которых он привык председательствовать, – он не боится говорить о своем здоровом аппетите, удовлетворенном простой пищей и наслаждающемся чашей теплого бульона в зимний тропик. [165] И он придал весне эпитет, который ближе к реальным чувствам бедной деревни, чем те чарующие картины, которые изобилуют в стихах, как древних, так и современных: он называет ее «временем скудного пайка», – поскольку урожай предыдущего года к тому времени уже почти съеден, земледелец вынужден урезать себя до нового урожая. [стр. 87] [166] Те, кто помнит, что в более ранние периоды нашей истории и во всех странах, где мало накопленных запасов, часто наблюдается огромная разница в цене зерна до и после урожая, почувствуют справедливость описания Алкмана.

Судя по этим и нескольким другим фрагментам этого поэта, Алкман, кажется, сочетал живость и возбуждающую энергию Архилоха в песне в собственном смысле, исполняемой им индивидуально, – с более глубоким знанием музыкального и ритмического эффекта в отношении хорового исполнения. Он сочинял на лаконском диалекте – разновидности дорического с некоторой примесью эолийских элементов. И именно от него, совместно с другими композиторами, выступавшими в Спарте в течение века после Терпандра, а также от одновременного развития хоровой музыки [167] в Аргосе, Сикионе, Аркадии и других частях Пелопоннеса, дорический диалект приобрел постоянную основу в Греции как единственный подходящий диалект для хоровых композиций. Продолженный Стесихором и Пиндаром, этот обычай перешел даже к аттическим драматургам, чьи хоровые песни таким образом в значительной степени дорические, тогда как их диалог – аттический. В Спарте, как и в других частях Пелопоннеса, [168] музыкальный и ритмический стиль, по-видимому, был установлен Алкманом и его современниками и упорно сохранялся в течение двух или трех столетий с небольшими изменениями или без них; тем более что флейтисты в Спарте составляли наследственную профессию, следовавшую рутине своих отцов. [169]

[стр. 88] Алкман был последним поэтом, обращавшимся к народному хору. И Арион, и Стесихор сочиняли для группы обученных мужчин, со степенью разнообразия и сложности, недостижимой для простой части народа. Первоначальный дифирамб был круговым хоровым танцем и песней в честь Диониса, [170] распространенным на Наксосе, в Фивах и, по-видимому, во многих других местах на Дионисийских праздниках, – спонтанным излиянием пьяных людей в час веселья, в котором поэт Архилох, «с громом вина, наполнявшим его ум», часто принимал главное участие. [171] Его возбуждающий характер приближался к поклонению Великой Матери в Азии и контрастировал с торжественным и величавым пеаном, обращенным к Аполлону. Арион внес в него изменение, подобное тому, которое сам Архилох внес в похабный ямб. Он превратил его в сложное сочинение в честь бога, исполняемое и танцуемое хором из пятидесяти человек, не только трезвых, но и строго обученных; хотя его ритм и движения, а также его облик в характере сатиров, представляли более или менее имитацию первоначальной раскованности. Уроженец Метимны на Лесбосе, Арион предстает как кифаред, певец и композитор, пользовавшийся благосклонностью Периандра в Коринфе, в котором городе он впервые «сочинил, назвал и обучил дифирамбу», раньше любого, известного Геродоту. [172] Однако он не остался там навсегда, а путешествовал из города в город, выступая на праздниках за деньги, – особенно в греческой Сицилии и Италии, где приобрел большие богатства. Здесь мы можем вновь отметить, как поэты, так и праздники, способствовали укреплению чувства единства среди разрозненных греков. Такое превращение дифирамба из области [стр. 89] спонтанной природы в сад искусства [173] составляет первую ступень в утончении Дионисийского культа; в дальнейшем он возвысится еще больше в форме аттической драмы.

Дата жизни Ариона приходится примерно на 600 г. до н. э., вскоре после Алкмана; Стесихор жил на несколько лет позже. Последний внес значительный вклад в развитие греческого хора, особенно в окончательное разделение его исполнения на строфу, антистрофу и эпод – поворот, возврат и покой. Ритм и метр песни во время каждой строфы соответствовали антистрофе, но менялись в эподе, а затем снова варьировались в следующих строфах. До этого песня была монострофической, состоя лишь из одного однообразного куплета, повторявшегося от начала до конца произведения; [174] поэтому легко понять, насколько сложнее и труднее стала композиция с введением Стесихором новой формы – причем не только для исполнителей, но и для самого автора, который в то время был также их учителем и наставником.

Как этот поэт, так и его современник, флейтист Сакада из Аргоса – победитель первых трех Пифийских игр, основанных после Священной войны, – превзошли своих предшественников в широте охватываемых тем, заимствуя из неисчерпаемого источника древних легенд и превращая хоровую песнь в развернутое эпическое повествование. [175] Действительно, эти

Пифийские игры открыли новый [р. 90] путь для музыкальных композиторов как раз в то время, когда Спарта начала закрываться для музыкальных новшеств.

Алкей и Сапфо, оба уроженцы Лесбоса, жили примерно в одно время с Арионом, около 610–580 гг. до н. э. От их некогда знаменитых лирических произведений почти ничего не осталось. Однако сохранившиеся критические отзывы резко противопоставляют их Алкману, творившему в более строгой атмосфере Спарты, и сближают с бурной страстностью Архилоха, [176] хотя без его личной злобы. Оба сочиняли для своей местной аудитории на лесбийском эолийском диалекте – не потому, что он особенно подходил для выражения их чувств, а просто потому, что был привычнее слушателям. Сапфо сама гордилась превосходством лесбийских поэтов; [177] а слава Терпандра, Периклетита и Ариона позволяет предположить, что до нее на острове было много популярных певцов, не достигших общегреческой известности.

Алкей в своих песнях выражал самые яростные политические чувства, бурные перемены войны и изгнания, а также страстную любовь к вину и любви. [178] Любовная лирика, по-видимому, была главной темой Сапфо, хотя она также писала оды и песни [179] на самые разнообразные темы – от серьезных до сатирических – и, как говорят, первой использовала в музыке миксолидийский лад. Стремление эпохи к метрическим и ритмическим новшествам проявилось в том, что Алкею и Сапфо приписывают изобретение особых строф, известных под их именами – комбинаций дактиля, трохея и ямба, сходных с асинартетическими стихами Архилоха; впрочем, они вовсе не ограничивались только алкеевой и сапфической метрикой. Оба сочиняли гимны богам – тема, общая для всех лирических и хоровых поэтов, каковы бы ни были их особенности. Большинство их произведений были сольными, а не хоровыми песнями. Поэзия Алкея особенно примечательна как первый пример использования музыки в политической борьбе, что показывает, насколько сильнее этот мотив завладевал греческим сознанием.

Гномические поэты, или стихотворные моралисты, по тону своих мыслей ближе к прозе. Они начинаются с Симонида Аморгского (или Самосского), современника Архилоха; сам Архилох посвятил часть своих произведений басне, известной еще со времен Гесиода. В сохранившихся фрагментах Симонида Аморгского мы не находим ничего личного, хотя, как и Архилох, он, говорят, имел врага – Ородеклида, чей характер был очернен его музой. [180] Его единственное [р. 92] значительное сохранившееся стихотворение посвящено описанию женских характеров в сравнении с различными животными – кобылой, ослом, пчелой и т. д. Оно продолжает гесиодовскую линию о социальном и хозяйственном вреде, обычно причиняемом женщинами (за редкими исключениями), но демонстрирует гораздо более широкий круг наблюдений и примеров. Его образы взяты прямо из жизни. В этом раннем ямбисте мы видим ту же симпатию к труду и его плодам, что и у Гесиода, но с еще более мрачным ощущением неостояния человеческих дел.

О Солоне и Феогниде я говорил в предыдущих главах. Они отчасти воспроизводят морализаторский стиль Симонида, но с сильной примесью личных чувств и прямой связью с современными событиями. Смещение политической и социальной морали, характерное для обоих, отражает их более позднюю эпоху: Солон в этом отношении относится к Симониду так же, как его современник Алкей – к Архилоху. Его стихи, судя по сохранившимся фрагментам, были краткими, написанными по случаю, – за исключением эпоса о погрузившемся в море острове Атлантида, который он начал под конец жизни, но не закончил. Они написаны элегическим дистихом, ямбическим триметром и трохаическим тетраметром, но ни один из этих размеров у него не имеет особого, отдельного характера. Если стихи Солона коротки, то стихи Феогнида еще короче и настолько фрагментарны (в нашем современном собрании), что читаются как отдельные эпиграммы или всплески чувств, которые поэт не удосужился объединить в четкую композицию. Это странная смесь максим и страсти, общих наставлений и личной привязанности к юноше Кирну, что удивляет с точки зрения литературной нормы, но кажется искренним выражением жалоб и беспокойства обедневшего изгнанника.

От Фокилида, еще одного гномического поэта, почти современника Солона, осталось лишь несколько назидательных стихов – двустий, в некоторых случаях с именем автора, вплетенным в текст.

Всё разнообразие ритмических и метрических новшеств [с. 93], которые были перечислены, не помешало древнему эпосу по-прежнему исполняться рапсодами, а к существующему корпусу добавились и новые эпические произведения: Евгаммон из Кирены, около 50-й Олимпиады (580 г. до н. э.), по-видимому, завершает этот ряд. Особенно в Афинах и Солон, и Писистрат проявляли большую заботу как о декламации, так и о точной сохранности текста «Илиады». Возможно, её популярность несколько снизилась из-за конкуренции с более яркой и эффектной лирической и хоровой поэзией, богатой ритмическим разнообразием. Однако какое бы второстепенное влияние ни оказывали эти новые формы поэзии благодаря своим внешним эффектам, главное их воздействие определялось подлинным интеллектуальным и поэтическим совершенством – мыслями, чувствами и выразительностью, а не аккомпанементом.

Долгое время композитор и поэт обычно оставались одним и тем же лицом; и помимо тех, кто достиг достаточной известности, чтобы остаться в памяти потомков, несомненно, было множество других, известных лишь своим современникам. Но для всех них инструмент и мелодия составляли лишь второстепенную часть того, что понималось под музыкой, – полностью подчиняясь «мыслям, что дышат, и словам, что горят» [181]. Точность и разнообразие ритмического произношения усиливали их воздействие на утонченный слух, но это удовольствие для слуха было лишь вспомогательным по отношению к эмоциональному отклику, вызванному самим смыслом.

Уже около 500 г. до н. э. поэты начали жаловаться на то, что аккомпанемент стал слишком доминировать. Однако лишь к эпохе комического поэта Аристофана, ближе к концу V века до н. э., изначальное соотношение между инструментальным сопровождением и словом действительно перевернулось, что вызвало громкие протесты [182]. Исполнение на флейте или кифаре стало более виртуозным, эффектным и подавляющим, а слова подбирались так, чтобы выгодно оттенять мастерство исполнителя. Я кратко упоминаю об этой последующей революции, чтобы подчеркнуть контраст с подлинно интеллектуальным характером изначальной греческой лирической и хоровой поэзии и показать, насколько смутное чувство, вызванное чисто музыкальным звучанием, уступало определённой эмоции и более долговечным, воспроизводимым сочетаниям, порождённым поэтическим смыслом.

Имя и поэзия Солон, а также краткие изречения Фокилида подводят нас к упоминанию о семи мудрецах Греции. Сам Солон был одним из них, и большинство, если не все, были поэтами или авторами стихов [183]. Большинству из них приписывается также множество метких ответов, а также одно краткое изречение или максима, служившее своего рода отличительным девизом [184]. Действительно, в ту эпоху признаком совершенного человека считалось умение петь или декламировать стихи, а также остроумно и быстро отвечать.

Относительно этого созвездия мудрецов – которых в следующем столетии греческой истории, когда философия стала предметом дискуссий и аргументации, восхваляли с особым почтением, – все свидетельства противоречивы и даже частично взаимоисключающи. Ни число, ни имена не совпадают у разных авторов. Дикеарх насчитывал десять, Гермипп – семнадцать; имена Солон Афинского, Фалеса Милетского, Питтака Митиленского и Бианта Приенского фигурируют во всех списках, а остальные, согласно Платону [185], – Клеобул Линдский (с Родоса), Мисон Хенейский и Хилон Спартанский. Другие источники, однако, приводят иные имена, и мы не можем с уверенностью распределить между ними изречения или девизы, которые в более поздние времена амфикионы удостоили чести быть начертанными в Дельфийском храме: «Познай самого себя», «Ничего сверх меры», «Знай свой момент», «Поручительство – предвестник гибели».

Бианта хвалили как превосходного судью, а Мисона Дельфийский оракул, по свидетельству сатирического поэта Гиппонакса, назвал самым рассудительным среди греков. Это древнейшее свидетельство (540 г. до н. э.) в пользу кого-либо из семи; однако Клеобул Линдский, далёкий от всеобщего восхищения, был назван поэтом Симонидом глупцом [186]. Дикеарх, однако, справедливо заметил, что эти семь (или десять) человек не были мудрецами или философами в том смысле, какой эти слова приобрели в его время, но людьми практического ума, разбирающимися в человеке и обществе [187], – того же склада, что и их современник баснописец Эзоп, хотя и пользовавшиеся иным способом выражения.

Их появление стало эпохой в греческой истории, поскольку они были первыми, кто приобрёл общегреческую известность благодаря интеллектуальным заслугам, а не поэтическому гению или эффекту, – свидетельство того, что политическая и социальная мудрость начала цениться сама по себе. Солон, Питтак, Биант и Фалес были влиятельными фигурами – первые два даже доминировали [188] – в своих городах. Клеобул был тираном Линда, а Периандр (которого некоторые включают в число семи) – Коринфа.

Фалес выделяется как первое имя в истории физической философии, тогда как другие современные ему мудрецы, как утверждается, ею не занимались; их слава основывалась исключительно на моральной, общественной и политической мудрости, которая стала пользоваться большим почётом по мере роста нравственного чувства греков и расширения их опыта.

В этих прославленных именах мы видим социальную философию в ее раннем и младенческом состоянии – в форме простых изречений или наставлений, которые считаются либо самоочевидными, либо основанными на каком-то великом авторитете, божественном или человеческом, но не подкрепляются доводами и не допускают проверки их истинности через исследование и обсуждение. От такого бесхитростного принятия, от того чувства, которое придает силу этим наставлениям, мы частично освобождаемся уже у поэта Симонида Кеосского, который (как упоминалось ранее) резко критикует песню Клеобула и ее автора.

Последующее полувекковое время после эпохи Симонида (примерно 480–430 гг. до н. э.) всё больше подрывало это чувство, знакомя публику с аргументированными спорами в народном собрании, в судах и даже на театральной сцене. Возросшая самостоятельность греческой мысли, порожденная этим процессом, проявилась в Сократе, который подверг все этические и социальные учения проверке разумом и впервые пробудил среди своих соотечественников любовь к диалектике, которая уже никогда их не покидала – аналитический интерес к процессу исследования, проверки, доказательства и изложения истины.

На этот ключевой элемент [с. 97] человеческого прогресса, обеспеченного греками – и только ими – всему человечеству, мы обратим внимание в более поздний период истории; сейчас же он упоминается лишь в противопоставлении с голым, догматическим лаконизмом Семи Мудрецов и простым назиданием ранних поэтов – состоянием, когда мораль занимает определенное место в чувствах, но не имеет корней даже в сознании лучших умов, не опираясь на разумное осмысление.

Период между Архилохом и Солоном (660–580 гг. до н. э.), как отмечалось в моем предыдущем труде, представляется временем, когда письменность впервые стала применяться к греческим поэмам – в том числе к гомеровским; а вскоре после окончания этого периода начинается эпоха неметрической, прозаической литературы. Философер Ферекид Сиросский (ок. 550 г. до н. э.) некоторыми считается первым прозаиком; однако долгое время после него ни один прозаик не достиг известности – по-видимому, до Гекатея Милетского [189] (ок. 510–490 гг. до н. э.). Проза оставалась второстепенным и малоэффективным жанром, не всегда даже ясным, и требовала немалой практики, прежде чем авторы научились делать ее интересной [190].

Вплоть до поколения, предшествовавшего Сократу, поэты оставались главными наставниками греческого ума: в ту эпоху юношей учили лишь читать, запоминать, декламировать

с соблюдением мелодии и ритма, а также понимать поэтические произведения. Комментарии учителей, обращенные к ученикам, возможно, становились более подробными и поучительными, но основой по-прежнему оставались эпическая или лирическая поэзия.

Не следует забывать и о том, что эти поэты, декламируемые вслух, были лучшими учителями для овладения сложной акцентной и ритмической системой греческого языка – обязательной для образованного человека в древности, причем ошибки в этом сразу бросались в глаза.

Не говоря уже о Холиямбисте Гиппонакте, который, кажется, был одержим демоном Архилоха, отчасти унаследовав и его [с. 98] гений, – Анакреонт, Ивик, Пиндар, Бакхилид, Симонид и афинские драматурги продолжают череду выдающихся поэтов без перерыва.

После Персидских войн потребности публичного красноречия создали класс риторических учителей, а постепенное распространение натурфилософии расширило круг преподавания. В результате прозаические сочинения – как устные, так и письменные – занимали всё больше внимания и постепенно достигли высокого совершенства, впервые явленного в трудах Геродота.

Но прежде чем проза достигла такого уровня и обрела стиль, необходимый для широкой популярности, она, несомненно, использовалась для записи информации. И обширные географические сведения, содержащиеся в «Землеописании» Гекатея, и первая карта, составленная его современником Анаксимандром, не могли бы появиться без предшествующей работы скромных прозаиков, записывавших лишь результаты собственных наблюдений.

Появление прозы около эпохи Писистрата примечательно не только как свидетельство прошлого прогресса, но и как средство будущего развития.

О том великолепном гении в скульптуре и архитектуре, который проявился в Греции после персидского нашествия, первые очертания обнаруживаются лишь между 600–560 гг. до н. э. в Коринфе, Эгине, Самосе, Хиосе, Эфесе и др. – однако их достаточно, чтобы свидетельствовать о прогрессе и усовершенствовании. Глаук Хиосский, как говорят, открыл искусство сварки железа, а Рёк (или его сын Феодор Самосский) – искусство литья меди и бронзы в формы: оба эти открытия, насколько можно установить, относятся к периоду чуть ранее 600 г. до н. э. [191] Первоначальные памятники, [стр. 99] воздвигнутые в честь богов, даже не претендовали на то, чтобы быть изображениями, а зачастую представляли собой лишь столб, доску, бесформенный камень, кол и т. д., установленные для обозначения и освящения места и получавшие от местных жителей почтение, украшение и поклонение. Иногда встречались настоящие статуи, хотя и самого грубого вида, вырезанные из дерева; и семьи резчиков – передававшие это ремесло из поколения в поколение, в Аттике известные под именем Дедала, а на Эгине – под именем Смилиса – долгое время строго придерживались освящённого канона изображения каждого конкретного бога. Постепенно возникло желание не только исправить примитивность таких идолов, но и изменить материал: иногда исходное дерево сохранялось, но покрывалось частично золотом или слоновой костью, в других случаях его заменяли мрамором или металлом. Дипен и Скиллид с Крита прославились как мастера по мрамору около 50-й Олимпиады (580 г. до н. э.), и с них начинается ряд имён, более или менее известных; кроме того, примерно в тот же период появляются первые храмовые приношения в виде произведений искусства в полном смысле слова – золотая статуя Зевса и большой резной ларец, посвящённые Кипселидами Коринфа в Олимпии. [192] Однако религиозные ассоциации, связанные с древним канонem, были настолько сильны, что [стр. 100] рука художника оставалась сильно скованной при создании статуй богов. Именно в статуях людей, особенно победителей Олимпийских и других священных игр, впервые стали стремиться к подлинной красоте и отчасти достигали её, а уже затем эти идеи перешли и к изображениям богов. Подобные статуи атлетов, по-видимому, появляются между 53-й и 58-й Олимпиадами (568–548 гг. до н. э.).

Точно так же лишь в этот же период (между 600–550 гг. до н. э.) мы находим первые следы тех архитектурных памятников, благодаря которым важнейшие города Греции впоследствии стяжали себе столь громкую славу. Два величайших храма Греции, известных Геродоту, – это Артемисион в Эфесе и Герайон на Самосе: первый, по-видимому, был начат самосцем Феодором около 600 г. до н. э., второй, заложенный самосцем Рёком, вряд ли может быть отнесён к более раннему времени. Первые попытки украсить Афины подобными сооружениями предприняли Писистрат и его сыновья примерно в ту же эпоху. Насколько можно судить при отсутствии прямых свидетельств, храмы Пестума в Италии и Селинунта на Сицилии также относятся к этому столетию. О живописи в эти ранние века ничего определённого сказать нельзя; она никогда не достигала такого совершенства, как скульптура, и можно предположить, что её первые шаги были как минимум столь же грубы.

Невероятное развитие греческого искусства впоследствии и великое мастерство греческих художников – факты огромной важности в истории человечества. И для самих греков они не только оказывали сильное влияние на вкусы народа, но и стали ценными как общий предмет гордости эллинизма, создавая узы братской симпатии и взаимной гордости среди его разбросанных частей. Именно отсутствие и слабость этих связей делают историю Греции до 560 г. до н. э. не более чем набором параллельных, но изолированных нитей, каждая из которых привязана к отдельному городу. А то расширение общего эллинского чувства и совместных действий, к которому мы вскоре перейдём, хотя и возникло во многом из-за новых общих угроз, нависших над многими городами сразу, отчасти проистекает и из других причин, перечисленных в этой главе [стр. 101] как воздействующих на греческий ум. Оно происходит от стимула, данного общим чувствам в религии, искусстве и развлечениях, – от постепенного формирования общегреческих празднеств, апеллирующих к вкусам и настроениям, волновавшим каждое эллинское сердце, – от вдохновения, принесённого гениями: поэтами, музыкантами, скульпторами, архитекторами, которые в каждом греческом городе в той или иной мере обеспечивали образование юношества, обучение хора и украшение местности, – от постепенного развития науки, философии и риторики в последующий период этой истории, сделавших один город интеллектуальной столицей Греции и привлекавших к Исократу и Платону учеников из самых отдалённых уголков эллинского мира. Именно этот фонд общих вкусов, устремлений и способностей заставлял социальные атомы Эллады тяготеть друг к другу и позволил грекам стать чем-то большим и лучшим, чем совокупность разрозненных общин, подобных фракийцам или фригийцам. И создание такого внеполитического общеэллинского единства – самое интересное явление, которое историк должен отметить в рассматриваемый нами ранний период. Он обязан подчеркивать его тем настойчивее, что современный читатель обычно не представляет себе национального единства без единства политического – ассоциации, чуждой греческому сознанию. Как бы странно ни казалось, что поэт-песенник выступает активным инструментом объединения своих соплеменников, тем не менее верно, что те поэты, которых мы кратко рассмотрели, обогащая общий язык и распространяясь из города в город лично или через свои произведения, способствовали разжиганию пламени общеэллинского патриотизма в то время, когда им почти ничто не помогало и когда причины, способствовавшие разобщённости, казались, брали верх. [стр. 102]

Глава XXX. ГРЕЧЕСКИЕ ДЕЛА В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ПИСИСТРАТА И ЕГО СЫНОВЕЙ В АФИНАХ.

Теперь мы подходим ко второму периоду греческой истории, который начинается с правления Писистрата в Афинах и Крёза в Лидии.

Как уже упоминалось, Писистрат стал тираном Афин в [560 г. до н. э.]. Он умер в [527 г. до н. э.], и ему наследовал его сын Гиппий, который был свергнут и изгнан в [510 г. до н. э.]. Таким образом, между первым возвышением отца и окончательным изгнанием сына прошло пятьдесят лет. Эти хронологические даты установлены на основании надежных свидетельств. Однако тридцать три года правления Писистрата прерывались двумя периодами изгнания – один длился не менее десяти лет, другой – пять. Точные даты этих изгнаний нигде не указаны достоверно, и хронологи по-разному определяли их на основании предположений. [193]

Отчасти из-за этой неполной хронологии, отчасти из-за скудного количества фактов история этого полувекового периода может быть изложена лишь весьма неполно. И неудивительно, что мы так мало знаем, если даже среди самих афинян всего столетие спустя ходили самые противоречивые и ошибочные сведения о Писистратидах, как с некоторым упреком сообщает нам Фукидид.

К этому времени прошло уже более тридцати лет с момента введения Солонова законодательства, согласно которому был создан ежегодный совет Четырехсот, а народное собрание (подготовленное и регулируемое этим советом) получило право привлекать должностных лиц к ответственности после окончания их срока. [стр. 103] Таким образом, были заложены основы будущей демократии, и, несомненно, правление архонтов стало мягче. Однако демократических настроений в обществе еще не сложилось. Спустя сто лет мы увидим, что эти настроения станут единодушными и могущественными среди предприимчивых масс Афин и Пирея, и услышим жалобы на трудности в общении с «гневным, вздорным, неуправляемым стариком – Демосом с Пникса», как называл афинский народ в лицо Аристофан, [194] чья свобода слова доказывает, что он по крайней мере рассчитывал на их добродушие.

Но в период с [560] по [510 г. до н. э.] народ оставался пассивным в вопросах политических прав и гарантий, как того желал бы самый ярый противник демократии, а власть переходила из рук в руки в результате сделок и интриг между двумя-тремя влиятельными лидерами, [195] возглавлявшими сторонников, которые повторяли их слова, участвовали в их личных распрях и брались за оружие по их приказу. Именно эту древнюю конституцию – Афины до появления афинской демократии – македонский правитель Антипатр якобы восстановил в [322 г. до н. э.], когда лишил политических прав большинство бедных граждан. [196]

Как уже рассказывалось в предыдущей главе, [197] Писистрат добился от народного собрания выделения ему стражи, которую затем использовал для захвата Акрополя. Так он стал хозяином государства, но пользовался властью разумно и справедливо, не нарушая существующих порядков больше, чем это было необходимо для удержания контроля. Тем не менее, как видно из стихов Солона [198] (единственного современного свидетельства, которым мы располагаем), общественное мнение отнюдь не одобряло его действий, и во многих умах царили страх и неприязнь, которые вскоре проявились в вооруженном союзе двух его соперников – Мегакла, возглавлявшего паралиев (жителей побережья), и Ликурга, лидера педиев (жителей равнины). Поскольку объединенные силы оказались слишком мощными для Писистрата, он был изгнан, недолго пробыв у власти.

Но настало время – как скоро, мы не можем сказать, – когда два соперника, изгнавшие его, поссорились, и Мегакл предложил Писистрату вернуть власть, обещая свою под-

держку и выдвинув условие, чтобы Писистрат женился на его дочери. Условия были приняты, и между двумя новыми союзниками был составлен план их осуществления с помощью новой хитрости – ведь симулированные раны и притворство личной опасности вряд ли могли быть успешно разыграны во второй раз. Заговорщики облачили высокую (шесть футов ростом) женщину по имени Фию в доспехи и одеяние Афины, окружили её атрибутами, сопровождавшими богиню в процессиях, и посадили в колесницу рядом с Писистратом. В таком виде изгнанный тиран и его сторонники подъехали к городу и направились к акрополю, предваряемые глашатаями, которые восклицали: «Афиняне! Примите же с радостью Писистрата, которого Афина почтила выше всех людей и теперь возвращает в свой акрополь». Горожане встретили мнимую богиню с полной верой и поклонением, а в сельских районах быстро распространился слух [р. 105], что Афина явилась лично, чтобы вернуть Писистрата. Таким образом, он без малейшего сопротивления овладел акрополем и властью. Его партия, объединившись с партией Мегакла, была достаточно сильна, чтобы удержать его у власти, как только он её получил; и, вероятно, все, кроме вождей, искренне верили в явление богини – и лишь после разрыва между Писистратом и Мегаклом стало известно, что это был обман. [199]

[р. 106] Дочь Мегакла, согласно договору, вскоре стала женой Писистрата, но детей она ему не родила; и стало известно, что её муж, уже имевший взрослых сыновей от первого брака и считавший, что Килонова скверна лежит на всём роду Алкмеонидов, не желал, чтобы она стала матерью. [200] Мегакл был так разгневан этим, что не только разорвал союз с Писистратом, но даже примирился с третьей партией – сторонниками Ликурга – и занял столь угрожающую позицию, что тирану пришлось покинуть Аттику. Он удалился в Эретрию на Эвбее, где оставался целых десять лет; однако значительную часть этого времени он потратил на подготовку к силовому возвращению и, кажется, даже в изгнании сохранял влияние, далеко превосходившее [р. 107] положение частного лица. Он оказал ценную помощь Лигдамиду Наксосскому, [201] помогая ему стать тираном этого острова, и, мы не знаем как, сумел оказать важные услуги разным городам, в особенности Фивам. Они оплатили ему крупными денежными взносами для восстановления его власти: наёмники были наняты в Аргосе, а наксосец Лигдамид прибыл лично с деньгами и войском. Так подготовленный и поддержанный, Писистрат высадился в Аттике при Марафоне. Как управлялись Афины в его десятилетнее отсутствие, мы не знаем; но власти позволили ему оставаться в Марафоне беспрепятственно и собирать сторонников как из города, так и из сельских округов. Лишь когда он двинулся от Марафона и достиг Паллены на пути к Афинам, они выступили против него. Более того, их действия даже при близости армий были либо крайне небрежными, либо предательскими: Писистрат сумел атаковать их врасплох, разгромив почти без сопротивления. Всё происходило так, словно это был заранее согласованный сговор: побеждённые войска, хотя их и не преследовали, якобы сразу рассеялись и разошлись по домам, повинаясь воззванию Писистрата, который двинулся на Афины и в третий раз стал правителем. [202]

После этого третьего успешного вступления он принял решительные меры, чтобы удержать власть. Алкмеониды и их ближайшие сторонники ушли в изгнание; но он взял детей тех, кто остался и чьи настроения вызывали подозрения, в качестве заложников за поведение родителей и отправил их на Наксос под надзор Лигдамиды. Кроме того, он обзавёлся сильным отрядом фракийских наёмников, содержавшихся за счёт налогов с народа. [203] Не забыл он и о благосклонности богов, проведя очищение священного острова Делос: [р. 108] все тела, погребённые в пределах видимости храма Аполлона, были извлечены и перезахоронены подальше. К тому времени Делосский праздник – посещаемый ионийцами Азии и островитянами, с которым Афины, конечно, были тесно связаны, – должно быть, уже начал терять прежнее величие: ведь Киром уже было покорено побережье Ионии, а могущество Самоса, хоть и возросшее при тиране Поликрате, развивалось за счёт разорения меньших ионийских островов. Отчасти из тех же чувств, что привели к очищению Делоса, отчасти как акт партийной

мести, Писистрат приказал сравнивать с землёй дома Алкмеонидов, а тела умерших членов этого рода выкопать и выбросить за пределы страны. [204]

Этот третий и последний период правления Писистрата длился несколько лет, вплоть до его смерти в 527 году до н. э. Говорят, что он был настолько мягким по своему характеру, что однажды Писистрат даже позволил привлечь себя к суду перед ареопагом. Однако, учитывая, что ему приходилось содержать большое количество фракийских наемников за счет народных средств, мы склонны рассматривать эту похвалу скорее в сравнительном, а не в абсолютном ключе. Фукидид утверждает, что и он, и его сыновья правили мудро и добродетельно, взимая с народа лишь пятипроцентный подоходный налог. [205] Это высокая оценка, особенно учитывая авторитет Фукидида, хотя, вероятно, следует сделать скидку на то, что он был связан родством с семьей Писистратидов. [206]

Геродот также высказывается о Писистрате весьма благосклонно; Аристотель тоже оценивает его положительно, но с оговорками – он включает этих тиранов в число тех, кто возводил общественные и священные сооружения с намерением не только занять подданных, но и обеднить их. Это предположение подтверждается грандиозным масштабом храма Зевса Олимпийского в Афинах, заложенного Писистратом, – его размеры превосходили даже Парфенон и храм Афины Полиады, построенные позже, когда ресурсы Афин были значительно больше, [207] а их стремление к демонстративной набожности ничуть не уменьшилось. Храм остался незавершенным и был достроен лишь при римском императоре Адриане.

Кроме того, Писистрат учредил Великие Панафинеи, проводившиеся раз в четыре года, на третий год Олимпиады. [стр. 110] Ежегодные Панафинеи, с тех пор называемые Малыми, также сохранились.

Я уже подробно упоминал о его заботе в деле создания полных и точных копий гомеровских поэм, а также об улучшении их исполнения на Панафинеях – за это мы ему весьма благодарны, хотя некоторые критики ошибочно интерпретировали его действия. Вероятно, он также собирал произведения других поэтов – Авл Геллий [208] называет это (не совсем уместно для VI века до н. э.) «публичной библиотекой». Эта инициатива была крайне ценной в эпоху, когда письменность и чтение не были широко распространены.

Его сын Гиппарх продолжил эту традицию, окружая себя известными поэтами своего времени [209] – Симонидом, Анакреонтом и Ласом, не говоря уже об афинском мистике Ономакрите, который, не претендуя на дар пророчества, выдавал себя за хранителя и редактора пророчеств, приписываемых древнему Мусею. Писистратиды хорошо знали эти пророчества и высоко их ценили, но когда Ономакрит был уличен в подделке текстов Мусея, Гиппарх изгнал его. [210]

Статуи Гермеса, воздвигнутые этим правителем или его друзьями в разных частях Аттики [211] и украшенные краткими нравоучительными изречениями, восхваляются автором платоновского диалога «Гиппарх» с преувеличением, граничащим с иронией. Однако несомненно, что и сыновья Писистрата, и он сам строго соблюдали религиозные обряды государства и украшали город, в частности, общественный источник Каллирою.

Говорят, они сохраняли прежние законы и судебную систему, лишь следя за тем, чтобы ключевые должности оставались в руках их сторонников, а реальная власть принадлежала им. [стр. 111] Они вели себя скромно и просто, были милостивы к бедным, однако известен случай жестокой расправы – тайное убийство Кимона наемными убийцами. [212]

Тем не менее, есть основания полагать, что правление как Писистрата, так и его сыновей было в целом мягким – до убийства Гиппарха Гармодием и Аристогитоном. После этого оставшийся в живых Гиппий стал подозрительным, жестоким и деспотичным в последние четыре года своего правления. Именно суровость этого заключительного периода оставила в афинском сознании [213] глубокую и непреходящую ненависть к династии в целом, о которой пишет

Фукидид, хотя он и старается показать, что Писистрат и первоначально Гиппий ее не заслуживали.

Писистрат оставил после себя трёх законных сыновей – Гиппия, Гиппарха и Фессала: среди современников Фукидида в Афинах было распространено мнение, что Гиппарх был старшим из трёх и унаследовал власть отца; однако историк категорически опровергает это, утверждая на основании собственных знаний, что Гиппий был и старшим сыном, и преемником. Такое заявление с его стороны, подкреплённое некоторыми, хотя и не вполне убедительными доводами, служит достаточным основанием для нашего согласия – тем более что Геродот также поддерживает эту версию. Однако удивительна подобная степень исторической небрежности у афинской публики, включая, казалось бы, даже Платона [214], в отношении события важного и сравнительно недавнего. Чтобы объяснить это удивление и показать, почему имя Гиппарха вытеснило имя Гиппия в народной молве, Фукидид приводит знаменитую историю Гармодия и Аристокитона.

Эти двое афинских граждан [215], принадлежавших к древнему роду Гефиреев, были связаны взаимной дружбой и преданной близостью, которую греческие обычаи не осуждали. Гармодий, прекрасный юноша, был предметом страсти Гиппарха, который неоднократно делал ему предложения, но получал отказ. Когда Аристокитон узнал об этом, его охватили и ревность, и опасения, что отвергнутый поклонник применит силу – опасения, оправданные обычаями греческих тиранов [216] и отсутствием какой-либо защиты от произвола с их стороны. Под влиянием этих чувств он стал искать способы свергнуть тиранию.

Между тем Гиппарх, хотя и не планировал насилия, был так раздражён отказом Гармодия, что не мог успокоиться, не унизив его. Чтобы скрыть истинный мотив, он нанёс оскорбление не самому Гармодию, а его сестре. Однажды он повелел вызвать её для участия в религиозной процессии в числе канефор (несущих корзины), что было обычной практикой в Афинах; однако, когда девушка явилась на место сбора, её с презрением отвергли как недостойную такой почётной роли, а сам вызов объявили недействительным [217].

Это публичное оскорбление вызвало ярость Гармодия и ещё больше ожесточило Аристокитона. Оба решили во что бы то ни стало покончить с тиранией и вместе с немногими сообщниками разработали план нападения. Они дождались праздника Великих Панафинеи, когда граждане в полном вооружении – со щитами и копьями – шествовали на акрополь, поскольку только в этот день вооружённое собрание не вызывало подозрений. Заговорщики, как и остальные, несли оружие, но также прятали кинжалы. Гармодий и Аристокитон взяли на себя убийство двух Писистратидов, а их сторонники должны были защитить их от наёмников. Хотя число заговорщиков было невелико, они рассчитывали на поддержку вооружённых сограждан, готовых сразиться за свободу, как только будет нанесён удар.

Когда в день праздника Гиппий в Керамике за городскими воротами выстраивал вооружённых граждан для процессии, окружённый телохранителями, Гармодий и Аристокитон приблизились с кинжалами, чтобы осуществить замысел. Но, подойдя ближе, они в ужасе увидели одного из своих сообщников в дружеской беседе с Гиппием (который был доступен для всех) и решили, что заговор раскрыт. Ожидая ареста и доведённые до отчаяния, они решили хотя бы отомстить Гиппарху. Они нашли его у городских ворот возле святилища Леокория и убили. Охранники тут же расправились с Гармодием, а Аристокитон, сначала спасённый толпой [114], позже был схвачен и погиб под пытками, отказываясь назвать имена сообщников [218]. Весть быстро долетела до Гиппия в Керамике, который узнал о ней раньше вооружённых граждан, ожидавших его приказа о начале процессии. С необычайным самообладанием он воспользовался этим драгоценным моментом предвидения и двинулся к ним, приказав на время отложить оружие и собраться на соседней площади. Они, ничего не подозревая, повиновались, и он тут же велел своей страже занять опустевшее оружие. Теперь он стал бесспорным хозя-

ином положения и смог схватить всех граждан, которым не доверял, – особенно тех, у кого были кинжалы, которые не было принято носить во время Панафинейской процессии.

Таково памятное повествование о Гармодии и Аристокитоне, особенно ценное, поскольку целиком исходит от Фукидида [219]. Обладать великой властью, быть выше закона, внушать чрезвычайный страх – привилегия, столь желанная для титанов среди людей, что стоит обратить внимание на те случаи, когда она оборачивается для них несчастьем. Страх, внушённый Гиппархом, – страх перед замыслами, которых у него на самом деле не было, но которые он мог вынашивать и беспрепятственно осуществлять, – стал здесь главной причиной его гибели.

Заговор, описанный здесь, произошёл в 514 г. до н. э., на тринадцатом году правления Гиппия, которое продлилось ещё четыре года, до 510 г. до н. э. И эти последние четыре года, по убеждению афинской публики, считались всем его правлением; более того, многие совершали ещё большую историческую ошибку, полностью опуская эти четыре года и полагая, что заговор Гармодия и Аристокитона сверг режим Писистратидов и освободил Афины. И поэты, и философы разделяли эту веру, которая ясно выражена в прекрасной и популярной сколии (песне) на эту тему: двое друзей прославляются там как творцы афинской свободы – «они убили тирана и дали Афинам равные законы» [220]. Такой бесценный дар сам по себе был достаточен, чтобы увековечить в памяти последующей демократии тех, кто отдал свои жизни ради него. Кроме того, следует помнить, что их тесная связь, столь отталкивающая для современного читателя, в Афинах вызвала симпатию, так что история захватывала афинское воображение одновременно романтикой и патриотизмом. Гармодий и Аристокитон впоследствии почитались и как победители, и как первые мученики афинской свободы. В их честь вскоре после окончательного изгнания Писистратидов были воздвигнуты статуи; их потомкам были дарованы освобождение от налогов и общественных повинностей; и оратор, предложивший отмену таких привилегий в то время, когда их число возросло до злоупотребления, сделал единственное исключение именно для этого уважаемого рода [221]. А поскольку имя Гиппарха было повсеместно известно как имя убитого, становится ясно, почему не критичная публика считала его главой семьи Писистратидов – старшим сыном и преемником Писистрата, правящим тираном, – отодвигая Гиппия на второй план. Та же публика, вероятно, с ещё большим рвением верила во множество других анекдотов [222] об этом судьбоносном периоде, несмотря на их недостоверность.

Какими бы умеренными ни были действия Гиппия прежде, негодование из-за смерти брата и страх за собственную безопасность [223] теперь побудили его полностью отказаться от этой умеренности. Как Фукидид, так и Геродот свидетельствуют, и в этом нет сомнений, что теперь он использовал свою власть жестоко и беспощадно – он казнил значительное число граждан. Мы также встречаем утверждение, само по себе вполне правдоподобное и зафиксированное как у Павсания, так и у Плутарха – авторов менее авторитетных, но в данном случае достаточно достоверных, – что он подверг пыткам до смерти Леэну, любовницу Аристокитона, чтобы вырвать у нее сведения о заговорщиках и их планах [224]. Однако, понимая, что такая политика террора таит в себе опасность и для него самого, Гиппий стал искать поддержки на случай своего изгнания из Афин. С этой целью он стремился заручиться союзом с Дарием, царем Персии – союзом, чьи последствия проявятся в будущем. Эантид, сын Гиппокла, тирана Лампсака на Геллеспонте, пользовался тогда большим расположением персидского монарха, что побудило Гиппия отдать ему в жены свою дочь Архедику – честь, которую Фукидид считал немалой для лампсакенца [225]. Однако, чтобы объяснить, почему Гиппий остановил свой выбор именно на этом городе, необходимо сказать несколько слов о внешней политике Писистратидов.

[стр. 117] Уже упоминалось, что афиняне еще во времена поэта Алкея заняли Сигей в Троаде и вели там войну с митиленианцами, так что их приобретения в этих краях относятся к периоду задолго до Писистрата. Вероятно, именно благодаря этому обстоятельству в начале

его правления долонкские фракийцы, жители Херсонеса на противоположном берегу Геллеспонта, обратились к афинянам за помощью против своих могущественных соседей – абсинтского племени фракийцев. Так представился случай отправить колонистов, чтобы закрепить этот ценный полуостров за Афинами. Писистрат охотно поддержал этот план, а Мильтиад, сын Кипсела, знатный афинянин, тяготившийся его тиранией, с радостью взял на себя руководство экспедицией: его отъезд, как и отъезд других недовольных в качестве основателей колонии, устраивал все стороны. Согласно рассказу Геродота – одновременно и набожному, и живописному, – несомненно, передававшемуся как достоверный на ежегодных играх, которые херсонеситы даже во времена Геродота проводили в честь своего ойкиста, именно дельфийский бог направляет этот замысел и указывает на конкретного человека. Вожди страждущих долонков отправились в Дельфы, чтобы испросить помощи в привлечении греческих колонистов, и получили указание выбрать в качестве ойкиста того, кто первым окажет им гостеприимство по выходе из храма. Они отправились в путь и прошли по так называемой Священной дороге через Фокиду и Беотию в Афины, не получив ни одного приглашения. Наконец, они вошли в Афины и проходили мимо дома Мильтиада, когда тот сидел у входа. Увидев людей, чьи одежды и оружие выдавали в них чужеземцев, он пригласил их в дом и оказал им радушный прием. Тогда они объявили ему, что он и есть человек, указанный оракулом, и умоляли не отказываться от участия. Получив после личного обращения к оракулу утвердительный ответ, Мильтиад согласился и отплыл во главе отряда афинских переселенцев в Херсонес в качестве ойкиста [226].

Достигнув этого полуострова и став деспотом смешанного фракийско-афинского населения, он незамедлительно приступил к укреплению узкого перешейка стеной, протянувшейся от Кардии до Пактии на расстояние около четырех с половиной миль; таким образом, вторжения абсинфян были на время полностью пресечены, [227] хотя защита и не поддерживалась постоянно. Он также вступил в войну с Лампсаком на азиатской стороне пролива, но, к несчастью, попал в засаду и был взят в плен. Его жизнь спасло лишь немедленное вмешательство Креза, царя Лидии, подкрепленное решительными угрозами в адрес лампсакенцев, которые вынуждены были освободить пленника; Мильтиад снискал благосклонность этого правителя, хотя каким именно образом – неизвестно. Он умер бездетным некоторое время спустя, а его племянник Стесагор, унаследовавший власть, был убит через некоторое время после смерти Писистрата в Афинах. [228]

Экспедиция Мильтиада в Херсонес должна была состояться вскоре после первого узурпаторства Писистрата, поскольку даже его пленение лампсакенцами произошло до падения Креза (546 г. до н. э.). Однако поход Писистрата против Сигея в Троаде состоялся гораздо позже – вероятно, в третий, самый могущественный период его правления. Это место, по-видимому, перешло в руки митиленцев: Писистрат отвоевал его [229] и поставил там правителем своего незаконнорожденного сына Гегесистрата. Митиленцы могли быть ослаблены в это время (примерно между 537–527 гг. до н. э.) [р. 119] не только из-за продвижения персидских завоеваний на материке, но и из-за сокрушительного поражения, которое они потерпели от Поликрата и самосцев. [230] Гегесистрат удерживал этот пункт, несмотря на различные враждебные попытки, в течение всего правления Гиппия, так что афинские владения в тех краях включали в этот период как Херсонес, так и Сигей. [231] В первый из них Гиппий отправил Мильтиада, племянника первого ойкиста, в качестве правителя после смерти его брата Стесагора. Новый правитель обнаружил сильное недовольство на полуострове, но сумел подавить его, хитростью захватив и заключив в тюрьму знатных людей каждого города. Кроме того, он нанял отряд из пятисот наемников и женился на Гегесипиле, дочери фракийского царя Олора. [232] По-видимому, это произошло около 515 г. до н. э., когда второй Мильтиад прибыл в Херсонес. [233] Какое-то время он, вероятно, был вынужден покинуть его после скифского похода Дария из-за враждебности персов, но вернулся туда с начала Ионийского восстания и оставался при-

мерно до 493 г. до н. э., то есть за два-три года до Марафонской битвы, в которой он выступил командующим афинским войском.

И Херсонес, и Сигей, хотя и оставались афинскими владениями, теперь были данниками и зависимыми от Персии. Именно в эти края Гиппий в последние годы своего правления, опасаясь изгнания из Афин, обращался за поддержкой: он рассчитывал на Сигей как на убежище и на Эантида, а также на Дария как на союзников. И те и другие его не подвели.

[р. 120] Те же обстоятельства, которые встревожили Гиппия и сделали его власть в Аттике одновременно более жестокой и ненавистной, конечно же, вселяли надежды в его врагов – афинских изгнанников во главе с могущественными Алкмеонидами. Полагая, что настал благоприятный момент, они даже осмелились вторгнуться в Аттику и заняли укрепленный пункт Липсидрий в горной цепи Парнеса, отделяющей Аттику от Беотии. [234] Но их планы полностью провалились: Гиппий разгромил их и изгнал из страны. Его власть теперь казалась незыблемой, поскольку лакедемоняне поддерживали с ним тесную дружбу, а македонский царь Аминта и фессалийцы были его союзниками. Тем не менее изгнанники, побежденные в открытом бою, преуспели в неожиданном маневре, который, благодаря стечению обстоятельств, привел к его падению.

В результате несчастного случая, произошедшего в 548 году до н. э., [235] Дельфийский храм загорелся и сгорел. Восстановление этого серьезного урона стало заботой всей Греции; однако требуемые расходы были чрезвычайно велики, и, по-видимому, сбор необходимой суммы занял много времени. Амфикионы постановили, что четверть расходов должны были покрыть сами дельфийцы, которые оказались настолько обременены этим сбором, что разослали послов по всей Греции для сбора пожертвований и получили, среди прочих даров, от греческих поселенцев в Египте двадцать мин, а также большое количество квасцов от египетского царя Амасиса. Их щедрый благодетель Крѐз пал жертвой персов в 546 году до н. э., так что его сокровища больше не были для них доступны. Общая требуемая сумма составила триста талантов (что, вероятно, эквивалентно примерно 115 000 фунтов стерлингов), [236] – колоссальная сумма для сбора среди [р. 121] разрозненных греческих городов, не признававших единой верховной власти и среди которых было так трудно определить справедливую долю для каждого, чтобы удовлетворить все стороны. Однако в конце концов деньги были собраны, и Амфикионы смогли заключить договор на строительство храма. Алкмеониды, находившиеся в изгнании после третьего и окончательного прихода к власти Писистрата, взяли подряд; и при его выполнении они не только провели работы наилучшим образом, но даже значительно превысили оговоренные условия, используя паросский мрамор для фасада, тогда как по условиям договора требовался простой камень. [237] Как уже отмечалось в случае с Писистратом во время его изгнания, удивляет, что изгнанники, чье имущество было конфисковано, располагали такими значительными средствами, – если только не предположить, что Клисфен Алкмеонид, внук сикионского Клисфена, [238] унаследовал через мать состояние, не связанное с Аттикой, и хранил его в храме Геры на Самосе. Но факт остается фактом, и они стяжали громкую славу во всем эллинском мире благодаря щедрому выполнению столь важного предприятия. В том, что строительство заняло значительное время, сомневаться не приходится. Насколько можно судить, оно было завершено примерно через год или два после смерти Гиппарха – к 512 году до н. э., [р. 122] более чем через тридцать лет после пожара.

Для дельфийцев, в частности, восстановление их храма в столь превосходном масштабе было важнейшей из всех услуг, и их благодарность Алкмеонидам была соответственно велика. Отчасти благодаря этим чувствам, отчасти благодаря денежным подаркам, Клисфен смог использовать оракул в политических целях и призвать могущественную спартанскую армию против Гиппия. Всякий раз, когда спартанец обращался к оракулу – будь то по частному или государственному делу, – ответ жрицы был неизменным: «Афины должны быть освобождены». Постоянное повторение этого повеления в конце концов вынудило благочестивых лакедемо-

нян неохотно подчиниться. Благоговение перед богом пересилило их крепкую дружбу с Писистратидами, и Анхимоллий, сын Астера, был отправлен морем в Афины во главе спартанского отряда, чтобы изгнать их. Однако, высадившись в Фалере, он обнаружил, что те уже предупреждены и подготовлены, а также усилены тысячей всадников, специально затребованных у их союзников из Фессалии. На равнине Фалера эта конница оказалась особенно эффективной, и отряд Анхимоллия был отброшен к кораблям с большими потерями, а сам он погиб. [239] Поражённое войско, вероятно, было немногочисленным, и его отступление лишь побудило лакедемонян отправить более крупные силы под личным командованием царя Клеомена, который на этот раз двинулся в Аттику по суше. Достигнув Афинской равнины, он столкнулся с фессалийской конницей, но так храбро отразил её атаку, что та немедленно отступила и вернулась на родину, бросив союзников с вероломством, нередким для фессалийского характера. Клеомен продолжил путь к Афинам без дальнейшего сопротивления и вместе с Алкмеонидами и недовольными афинянами овладел городом. В то время укрепления существовали только вокруг акрополя, куда Гиппий отступил со своими наёмниками и наиболее преданными ему гражданами, заранее обеспечив его провизией, так что он [стр. 123] был защищён как от голода, так и от штурма. Он мог бы продержаться против осаждающих, не готовых к длительной блокаде, но, не вполне уверенный в своём положении, попытался тайно вывезти своих детей из страны – однако те были захвачены в плен. Чтобы добиться их возвращения, Гиппий согласился на все требования и в течение пяти дней покинул Аттику, отправившись в Сигей в Троаде.

Так пала династия Писистратидов в 510 г. до н. э., через пятьдесят лет после первого узурпаторства её основателя. [240] Её свергли с помощью иностранцев, [241] причём тех самых, которые в душе желали ей добра, но выступили против из-за ошибочного чувства божественного повеления. Однако как обстоятельства её падения, так и последующие события показывают, что у неё было мало преданных сторонников в стране и что изгнание Гиппия было встречено подавляющим большинством афинян с единодушным одобрением. Его семья и главные приверженцы последовали за ним в изгнание – вероятно, как само собой разумеющееся, без формального приговора. На акрополе был воздвигнут алтарь с колонной, увековечивающий как прошлые преступления свергнутой династии, так и имена всех её членов. [242] [стр. 126]

Глава XXXI. ГРЕЧЕСКИЕ ДЕЛА ПОСЛЕ ИЗГНАНИЯ ПИСИСТРАТИДОВ. – РЕВОЛЮЦИЯ КЛИСФЕНА И УСТАНОВЛЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ В АФИНАХ.

С изгнанием Гиппия исчез и наёмный фракийский гарнизон, на который он и его отец опирались как для защиты, так и для поддержания власти; Клеомен со своим лакедемонским войском также удалился, задержавшись лишь настолько, чтобы установить личную дружбу – впоследствии повлёкшую важные последствия – между спартанским царём и афинянином Исагором. Таким образом, афиняне остались [стр. 127] одни, без какого-либо иностранного вмешательства, которое могло бы ограничить их в политических решениях.

В предыдущей главе упоминалось, что Писистратиды в основном сохраняли формы Солоновой конституции: девять архонтов и пробулевтический (предварительно обсуждающий) Совет Четырёхсот (оба ежегодно сменяемые) продолжали существовать, наряду с периодическими собраниями народа – или, точнее, той его части, которая состояла в родах, фратриях и четырёх ионийских филах. Тимократическая классификация Солона (или четырёхступенчатая шкала доходов и распределения политических прав в соответствии с ней) также сохранялась – но всё это оставалось под контролем и служило целям правящего семейства, которое всегда держало одного из своих в числе главных администраторов и неизменно удерживало за собой акрополь, а также наёмные войска.

Когда подавляющее давление исчезло с изгнанием Гиппия, порабощённые формы немедленно наполнились свободой и реальностью. Снова появилось то, чего Аттика не знала тридцать лет – явные политические партии и открытое противостояние между двумя лидерами: с одной стороны, Исагор, сын Тисандра, человек знатного происхождения, с другой – Клисфен из рода Алкмеонидов, не менее знатный и к тому же пользовавшийся в тот момент благодарностью сограждан как самый стойкий и эффективный противник свергнутых тиранов. Каким образом это противостояние велось, нам не сообщается. По-видимому, оно не было полностью мирным; но, во всяком случае, Клисфен потерпел неудачу, и, как говорит историк, «в результате этого поражения он привлёк в союзники народ, который до этого был исключён из всего» [243]. Его союз с народом положил начало афинской демократии: это была настоящая и важная революция.

Политическое право, или статус афинского гражданина, как до Солона, так и после него, ограничивалось первоначальными [стр. 128] четырьмя ионийскими филами, каждая из которых представляла собой совокупность замкнутых корпораций или квази-семей – родов и фратрий. Таким образом, никто из жителей Аттики, кроме тех, кто входил в какой-либо род или фратрию, не имел доли в политических правах. Такие непривилегированные жители, вероятно, всегда были многочисленны, и их число росло за счёт новых переселенцев; кроме того, они в основном сосредотачивались в Афинах и Пирее, куда обычно стекались мигранты. Клисфен разрушил существующую стену привилегий и даровал политические права исключённой массе. Но этого нельзя было достичь путём включения их в новые роды или фратрии, созданные в дополнение к старым, поскольку родовая связь основывалась на древней вере и чувствах, которые в тогдашнем состоянии греческого сознания нельзя было внезапно вызвать как объединяющую силу для чужаков. Это можно было сделать, только полностью отделив политические права от ионийских фил, а также от родов, их составлявших, и перераспределив население по новым филам, имеющим исключительно политический характер и цель.

Соответственно, Клисфен упразднил четыре ионийские филы и создал вместо них десять новых, основанных на ином принципе, независимом от родов и фратрий. Каждая из его новых фил включала определённое число демов (округов) с зарегистрированными собственниками

и жителями в каждом из них. Демы в совокупности охватывали всю территорию Аттики, так что клисфеновская конституция предоставляла политические права всем свободным коренным афинянам; и не только им, но и многим метекам, и даже некоторым из высшего слоя рабов [244]. Если оставить в стороне общую массу рабов и рассматривать только свободное население, то по сути это была система, приближающаяся к всеобщему избирательному праву – как политическому, так и судебному.

Легкомысленный и беглый тон, в котором Геродот сообщает об этом памятном перевороте, заставляет нас недооценивать его истинное значение. Он останавливается главным образом на изменении количества и названий фил: Клисфен, говорит он, так презирал ионийцев, что не потерпел сохранения в Аттике четырёх фил, существовавших в ионийских городах, [245] получивших свои названия от четырёх сыновей Иона, – подобно тому как его дед, сикионский Клисфен, ненавидя дорийцев, унизил и дал насмешливые прозвища трём дорийским филам в Сикионе. Таково объяснение Геродота, который, по-видимому, и сам питал некоторое презрение к ионийцам [246] и потому приписывал его другим без достаточных оснований. Однако цель Клисфена была гораздо шире: он упразднил четыре древние филы не потому, что они были ионийскими, а потому, что они перестали соответствовать современному состоянию афинского народа, и потому, что их отмена обеспечила ему и его политическому плану новых и искренних союзников. И действительно, если мы рассмотрим обстоятельства дела, то увидим весьма очевидные причины, подтолкнувшие его к этому шагу.

Более тридцати лет – целое поколение – старый государственный строй был лишь пустой формальностью, действовавшей лишь в угоду правящей династии и лишённой всякой реальной власти. Поэтому можно с уверенностью сказать, что и Совет Четырёхсот, и народное собрание, лишённые той свободы слова, которая придавала им [стр. 130] не только всю их ценность, но и всю их привлекательность, утратили общественное уважение и, вероятно, посещались лишь немногими приверженцами; таким образом, различие между полноправными гражданами и теми, кто таковыми не являлся, – между членами четырёх старых фил и не членами – за этот период практически стёрлось. В этом, собственно, и заключалась единственная польза, которую, кажется, принесла греческая тирания: она смешала привилегированных и непривилегированных под одной общей для всех принудительной властью, так что различие между ними нелегко было восстановить после падения тирании.

Как только Гиппий был изгнан, совет и народное собрание вновь обрели силу. Но если бы они были восстановлены на прежних основаниях, включая лишь членов четырёх фил, этим филам было бы возвращено привилегированное положение, которое они на деле утратили так давно, что его возрождение показалось бы ненавистным новшеством, и остальное население, вероятно, не подчинилось бы этому. Если же принять во внимание политическое возбуждение того момента – возвращение одних из изгнания и изгнание других, изливание долго сдерживаемой ненависти, отчасти направленной против самих этих институтов, чьё разложение позволило тирану удерживать власть, – то станет ясно, что как благоразумие, так и патриотизм требовали принятия более широкой системы правления. Клисфен приобрёл некоторую мудрость за годы изгнания; и поскольку он, вероятно, ещё долгое время после введения своей новой конституции оставался главным советником своих сограждан, их необычайный успех можно считать свидетельством не только их мужества и единодушия, но и его дальновидности и умения.

Также нет оснований отрицать, что он совершил более великодушный шаг вперёд, чем тот, что подразумевается в буквальном изложении Геродота. Вместо того чтобы быть вынужденным против своей воли покупать народную поддержку, предлагая эту новую конституцию, Клисфен мог предложить её ещё во время обсуждений, последовавших сразу за отречением Гиппия; так что её отвержение стало причиной раздора – и никакой другой причины не упоминается – между ним и Исагором. Последний, без сомнения, нашёл достаточную поддержку в существовавших совете и народном собрании, чтобы воспрепятствовать её принятию без

прямого обращения к народу, и его противодействие нетрудно [стр. 131] понять. Ибо, сколь необходима ни была эта перемена, она не переставала быть ударом по древним афинским представлениям. Она коренным образом меняла саму идею филы, которая теперь становилась объединением демов, а не родов, – содемотов, а не сородичей; и таким образом разрушались те религиозные, социальные и политические связи между целым и частями старой системы, которые глубоко воздействовали на сознание каждого афинянина старого закала.

Патриции в Риме, составлявшие роды и курии, – и плебеи, не имевшие доли в этих корпорациях, – долгое время образовывали две отдельные и противоборствующие части одного города, каждая со своей собственной организацией. Лишь постепенно плебеи завоёвывали позиции, а политическое значение патрицианского рода долго сохранялось наряду с плебейской трибой и независимо от неё. Точно так же в итальянских и германских городах Средних веков патрицианские семьи отказывались расстаться со своей отдельной политической идентичностью, когда рядом с ними выросли цехи; даже будучи вынужденными уступить часть своей власти, они продолжали оставаться отдельным братством и не желали подчиняться перераспределению под новыми категориями и наименованиями наряду с торговцами, которые обрели богатство и влияние. [247]

Но реформа Клисфена осуществила эту перемену разом, как в названии, так и в сути. В некоторых случаях, правда, название рода сохранялось как название дема, но даже тогда старые родичи включались в состав остальных демов без различия; и афинский народ, рассматриваемый с политической точки зрения, стал, таким образом, единым целым, распределённым для удобства на части – численные, территориальные и политически равные. Однако следует помнить, что, хотя четыре ионийские филы были упразднены, составлявшие их роды и фратрии остались нетронутыми и продолжали существовать как семейные и религиозные объединения, хотя и лишённые политических привилегий.

Десять вновь созданных фил, расположенных в установленном порядке старшинства, назывались: Эрехтеида, Эгеида, Пандионида [стр. 132], Леонтида, Акамантида, Энеида, Кекропида, Гиппотоонтида, Эантида, Антиохида – имена, заимствованные главным образом от почитаемых героев аттических легенд [248]. Это число оставалось неизменным до 305 года до н. э., когда оно увеличилось до двенадцати благодаря добавлению двух новых фил – Антигониды и Деметриады, впоследствии переименованных в Птолемаиду и Атталиду. Уже сами названия этих последних, взятые от имен живых царей, а не легендарных героев, выдают переход Афин от свободы к подчинению.

Каждая фила включала определенное количество демов – округов, приходов или поселений в Аттике. Однако общее число этих демов точно не установлено: хотя мы знаем, что во времена Полемона (III век до н. э.) их было 174, нельзя с уверенностью утверждать, что их количество всегда оставалось неизменным. Некоторые исследователи интерпретируют слова Геродота как указание на то, что Клисфен изначально признавал ровно 100 демов, распределённых поровну между десятью филами [249]. Однако такая трактовка сомнительна, да и сам факт маловероятен – отчасти потому, что если бы изменение числа было столь значительным (со 100 до 174), то наверняка сохранились бы прямые свидетельства этого, а отчасти потому, что у Клисфена была причина уравнивать количество граждан в филах, но не было причины строго уравнивать число демов в каждой из них.

Известно, насколько сильны местные традиции и как устойчивы границы приходов или округов. При отсутствии [стр. 133] доказательств обратного можно разумно предположить, что число и границы демов, установленные или изменённые Клисфеном, впоследствии оставались почти неизменными – по крайней мере, до увеличения количества фил.

Однако есть другой, более определенный и важный момент. Демы, которые Клисфен распределил по филам, ни в одном случае не были все соседними друг с другом, поэтому фила в целом не соответствовала какой-либо компактной территории и не могла иметь собствен-

ных локальных интересов, отличных от интересов всего сообщества. Такое систематическое избегание расколов на почве соседства оказывается особенно важным, если вспомнить, что конфликты Паралии, Диакрии и Педии в предыдущем веке возникли именно из-за местных распрей, хотя, несомненно, разжигались честолюбием отдельных личностей.

Кроме того, только благодаря этой мере удалось предотвратить доминирование города и формирование городских интересов, противопоставленных интересам сельской местности, — что неизбежно произошло бы, если бы город составлял отдельный дем или отдельную филу. Клисфен разделил город (или застал его уже разделенным) на несколько демов и распределил их по разным филам, тогда как Пирей и Фалер, каждый из которых составлял отдельный дем, также были отнесены к разным филам. Таким образом, не было локальных преимуществ, которые могли бы обеспечить преобладание одной филы над остальными или вызвать борьбу за такое преобладание [250].

[стр. 134] Каждый дем имел свои местные интересы, но фила была лишь совокупностью демов для политических, военных и религиозных целей — без отдельных надежд или опасений, оторванных от государства в целом. У каждой филы была своя часовня, священные обряды, праздники и общий фонд для таких собраний в честь своего героя-эпонима, управляемый wybranymi её членами [251]. Статуи всех десяти героев-эпонимов, братских покровителей демократии, были установлены на самом видном месте афинской агоры. В дальнейшем функционировании афинского правительства мы не увидим признаков разрушительных местных раздоров — значительное улучшение по сравнению с конфликтами предыдущего века, отчасти обусловленное отсутствием общей границы между демами одной филы.

Дем теперь стал первичным составным элементом государства как в отношении лиц, так и имущества. У него был собственный демарх, список зарегистрированных граждан, коллективная собственность, публичные собрания и религиозные обряды, а также налоги, которые он сам собирал и распределял. Список полноправных граждан [252] велся демархом, а внесение новых граждан происходило на собрании демонов, где законные сыновья включались в список по достижении восемнадцати лет, а усыновленные — в любое время при представлении и присяге усыновителя. Гражданство могло быть предоставлено только публичным голосованием народа, но состоятельные не-граждане иногда могли обойти этот закон и купить место в списке какого-нибудь бедного дема, вероятно, через фиктивное усыновление. На [стр. 135] собраниях демонов список пересматривался, и иногда случалось, что некоторые имена вычеркивались — в таком случае лишенный прав мог апеллировать к народному суду. [253] Однако настолько велика была местная административная власть этих демов, что их называют заменой [254] наукраий при Клисфеновской системе, в отличие от Солоновской и досолоновской. Триттии и наукраии, хотя номинально сохранились, и последние (как утверждают некоторые) даже увеличились в числе с сорока восьми до пятидесяти, с этого времени утратили свое общественное значение.

Клисфен сохранил, но одновременно модифицировал и расширил все основные черты политического устройства Солон: народное собрание, или экклезию, — предварительно совещающийся совет, состоявший из представителей всех фил, — а также обычай ежегодных выборов и ежегодной отчетности магистратов перед экклесией. Теперь, в момент замешательства и разногласий, должна была в полной мере осознаваться ценность наличия таких уже существующих институтов, на которых можно было строить. Но Клисфенова экклезия приобрела новую силу и почти новый характер благодаря значительному увеличению числа граждан, имевших право участвовать в ней, тогда как ежегодно сменяемый совет, вместо четырехсот членов, избиравшихся в равной пропорции от каждой из старых четырех фил, был расширен до пятисот, избиравшихся поровну от каждой из новых десяти фил. Теперь он предстает перед нами под названием Совета Пятисот как активный и незаменимый орган на протяжении всей афинской демократии, и, кажется, именно тогда (хотя точное время введения этой прак-

тики не может быть установлено) началась практика определения имен сенаторов жеребьевкой. И совет, устроенный таким образом, и народное собрание стали гораздо более народными и энергичными, чем при первоначальном устройстве Солона.

Новое устройство фил, изменившее состав ежегодного совета, столь же прямо преобразовало и [стр. 136] военную организацию государства, как в отношении солдат, так и командиров. Граждане, призываемые на военную службу, теперь строились по филам, – каждая фила имела своих таксиархов в качестве командиров гоплитов и своего филарха во главе всадников. Более того, теперь впервые были созданы десять стратегов, или генералов, по одному от каждой филы, и два гиппарха для верховного командования конницей. При прежнем афинском устройстве командование военными силами, по-видимому, принадлежало третьему архонту, или полемарху, тогда как стратегов не существовало; и даже после их создания при Клизфеновской конституции полемарх сохранял совместное с ними право командования – как мы узнаем из рассказа о битве при Марафоне, где Каллимах, полемарх, не только имел равный голос в военном совете наряду с десятью стратегами, но даже занимал почетное место на правом фланге. [255] Десять ежегодно сменяемых генералов (как и десять фил) являются, таким образом, плодом Клизфеновской конституции, которая в то же время была значительно усилена и защищена такой реорганизацией военных сил. По мере развития демократии функции стратегов расширялись, и постепенно они приобрели не только руководство военными и морскими делами, но и общее управление внешними сношениями города, – тогда как девять архонтов, включая полемарха, постепенно утратили ту полноту исполнительной и судебной власти, которой они когда-то обладали, опустившись до простого надзора за порядком и предварительного судопроизводства. Ограничиваемые с одной стороны стратегами, они с другой теряли эффективность из-за появления народных дикастерий, или многочисленных судов присяжных. Мы можем быть уверены, что эти народные дикастерии не могли собираться или действовать при деспотизме Писистратидов и что судебные дела города в то время должны были рассматриваться частично Ареопагом, частично архонтами, – возможно, с номинальной ответственностью последних в конце их годовичного срока перед покорной эkkлезией. И даже если допустить, как утверждают некоторые авторы, что практика прямого народного суда, помимо этой ежегодной отчетности, была частично введена Солоном, она должна была [стр. 137] прекратиться во время длительного подавления со стороны сменившей его династии. Но всплеск народного духа, придавший силу Клизфену, несомненно, вовлек народ в прямое участие в качестве присяжных в совокупной Гелиэе не меньше, чем в качестве голосующих в эkkлезии, – и таким образом началось изменение, которое способствовало снижению роли архонтов от их первоначального статуса судей до более скромной функции предварительных следователей и председателей суда присяжных. Созыв многочисленных судов присяжных, начавшийся сначала с общего собрания присяжных граждан старше тридцати лет, а затем разделивший их на отдельные группы для рассмотрения конкретных дел, постепенно становился более частым и систематизированным, пока, наконец, во времена Перикла он не стал оплачиваться небольшим жалованием и не превратился в одну из самых заметных черт афинской жизни. Мы не можем детально проследить отдельные шаги, которыми было достигнуто это окончательное развитие, и как судебная компетенция архонта сократилась до права налагать лишь небольшой штраф, но первые шаги этого процесса обнаруживаются в революции Клизфена, а завершение, по-видимому, произошло благодаря реформам Перикла. О функции, осуществляемой девятью архонтами, а также многими другими магистратами и должностными лицами в Афинах, – созыве дикастерии, или суда присяжных, вынесении дел на рассмотрение и председательстве на суде, – функции, составлявшей один из признаков высшей магистратуры и называвшейся Гегемонией, или председательством в дикастерии, – я расскажу подробнее в дальнейшем. Сейчас же я хочу лишь показать расширяющуюся сферу деятельности, в которую народ вступил на этом памятном повороте событий.

Финансовая система города в эту эпоху претерпела столь же радикальные изменения, как и военная: фактически назначение магистратов и должностных лиц по десяти человекам, по одному от каждой филы, стало обычной практикой. Коллегия из десяти человек, называемых Апоектами, получила верховное управление казной, ведя переговоры с откупщиками относительно тех частей доходов, которые сдавались на откуп, принимая все налоги от сборщиков и распределяя их по утвержденным назначениям. Первое назначение этой коллегии прямо приписывается Клисфену [256], как замена неких лиц, именовавшихся Колакретами, которые [стр. 138] ранее выполняли те же функции и теперь сохранялись лишь для вспомогательных обязанностей. Впоследствии обязанности апоектов были ограничены приемом государственных доходов и передачей их десяти казначеям богини Афины, которые хранили их во внутреннем помещении Парфенона и расходовали по мере необходимости; но эта более сложная система не может быть отнесена к Клисфену.

С его времени Совет Пятисот также значительно выходит за рамки первоначальной обязанности – подготовки вопросов для обсуждения в экклесии: он охватывает, помимо этого, широкий круг административных и надзорных функций, которые едва ли поддаются четкому определению. Его заседания становятся постоянными, за исключением особых праздников, а год делится на десять частей, называемых пританиями, – пятьдесят советников от каждой филы по очереди несут обязанность постоянного присутствия в течение одной притании и в это время получают название Пританов. Очередность фил в этих обязанностях ежегодно определялась жребием. В обычном аттическом году из двенадцати лунных месяцев, или 354 дней, шесть пританий включали 35 дней, а четыре – 36. В високосные годы из тринадцати месяцев число дней составляло 38 и 39 соответственно. Более того, существовало дальнейшее деление пританий на пять периодов по семь дней каждый, а пятидесяти советников от филы – на пять групп по десять человек: каждая группа председательствовала в совете в течение одного семидневного периода, ежедневно выбирая по жребию из своего состава нового председателя, именуемого Эпистатом, которому на время его должностного дня вверялись ключи от акрополя и казны, а также городская печать. Остальные советники, не принадлежавшие к пританирующей филе, могли, конечно, присутствовать, если желали, но присутствие девяти из них – по одному от каждой из остальных девяти фил – было строго обязательным для действительности заседания и обеспечения постоянного представительства всего народа.

В более поздние времена, известные нам по речам великих ораторов, экклесия, или формальное собрание граждан, созывалась регулярно четыре раза в течение каждой притании, а при необходимости и чаще, – обычно Советом, хотя стратеги также имели право созывать ее по собственной инициативе. Ей председательствовали пританы, а вопросы на голосование ставил их эпистат, или председатель; однако девять представителей непританирующих фил, разумеется, всегда присутствовали и, по-видимому, уже ко временам ораторов взяли на себя руководство собранием, включая право выносить вопросы на голосование [257], – полностью или частично оттеснив пятьдесят пританов. Однако если мы обратимся к первоначальной организации экклесии Клисфеном (я уже отмечал, что толкователи афинского государственного устройства слишком часто пренебрегают хронологическими различиями, предполагая, что практика, существовавшая между 400–330 гг. до н. э., была таковой всегда), то вероятным покажется, что он предусмотрел одно регулярное собрание в течение каждой притании и не более, предоставив Совету и стратегам право созывать чрезвычайные собрания в случае необходимости, но установив одно заседание экклесии в течение каждой притании, или десять в год, как регулярную государственную потребность. Как часто древняя экклесия созывалась в период между Солоном и Писистратом, мы точно сказать не можем, – вероятно, лишь несколько раз в году. Но при Писистратидах ее созыв свелся к чисто формальной, не имеющей значения процедуре, и восстановление ее Клисфеном – не только с полными законодательными полномочиями, но и при условии заблаговременного уведомления и подготовки вопро-

сов, а также с надежными гарантиями порядка, – само по себе стало революцией, глубоко впечатлившей каждого афинского гражданина.

Чтобы экклесия стала эффективной, было необходимо, чтобы ее заседания были как частыми, так и свободными. Люди таким образом обучались обязанностям и ораторов, и слушателей, и каждый гражданин, чувствуя, что участвует в принятии решений, связывал свою безопасность и благополучие с волей большинства и привыкал к идее суверенной власти, которой он не мог и не должен был сопротивляться. Это была новая идея для афинского сознания, и с ней пришли чувства, освящающие свободное слово и равный закон, – слова, которые ни один афинский гражданин впоследствии не мог слышать равнодушно, – а также осознание всего государства как единого и неделимого целого, которое всегда преобладало, хотя и не вытесняло полностью, местные и родовые связи. Не будет преувеличением сказать, что эти патриотические и возвышающие порывы стали новым явлением в афинском сознании, которому даже во времена Солона не было аналога. Они были отчасти разожжены сильной реакцией против Писистратидов, но в еще большей степени тем, что их противник, Клисфен, использовал это преходящее настроение наилучшим образом, придав ему прочную постоянность и четкую позитивную цель благодаря демократическим элементам, явно выраженным в его конституции.

Его имя занимает в истории меньшее место, чем можно было бы ожидать, потому что он считался лишь восстановителем государственного устройства Солона после его свержения Писистратом. Вероятно, он сам преследовал эту цель, поскольку это облегчало успех его предложений, и если ограничиться буквой дела, то это во многом соответствует истине, ведь ежегодный совет и экклесия – оба института солоновские, – но оба в его реформе обрели совершенно новые условия и выросли до гигантских масштабов. Насколько мощным был всплеск афинского энтузиазма, мгновенно изменившего положение Афин среди греческих держав, мы вскоре услышим из уст Геродота и увидим еще более ясно в фактах его истории.

Но не только люди, формально утвержденные в своей экклесии, получили от Клисфена реальные атрибуты суверенитета, – именно он впервые призвал народ к прямому участию в качестве дикастов, или присяжных. Я уже отмечал, что этот обычай в определенном ограниченном смысле можно сказать, начался во времена Солона, поскольку этот законодатель наделил народное собрание правом выносить судебное решение о подотчетности архонтов после их года правления. Здесь снова здание, впоследствии столь просторное и величественное, было возведено на солоновом фундаменте, хотя само по себе оно не было солоновым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.